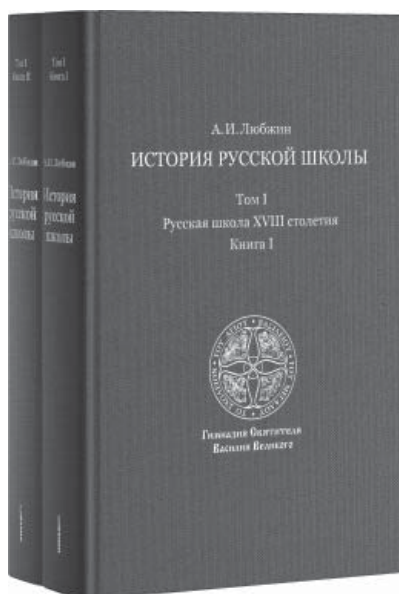


# Образовательные практики в России XVII–XVIII веков

{ Пролог }



*Любжин А.И. История русской школы императорской эпохи. Т. I: Русская школа XVIII столетия. Кн. I и II. М.: Никея, 2014. 752 + 656 с.: ил.*

*Кн. I. Из Главы I. Русский фон. Школа XVII века (с. 7–39, 41–58)*

*Кн. II. Из Главы VI. От воцарения Екатерины II до смерти Павла I (с. 455–506)*



# { Оглавление }

## Книга I

Глава I. Русский фон. Школа XVII века

Глава II. Западный фон: педагогическая практика и философская критика

Глава III. Эпоха Петра I

Глава IV. От Петра до Елизаветы

## Книга II

Глава V. Правление Елизаветы и Петра III

Глава VI. От воцарения Екатерины II до смерти Павла I

## Книга I

### Из Главы I. Русский фон. Школа XVII века

Видим бо, яко во многих от вас не имеет премудрость места, идеже главу преклонити, скитається она, якоже Христос, премудрость Божия, в Вифлеемсте вертепе, и несть взыскай ея...

*Из слова «О взыскании премудрости Божественныя» греческих патриархов (1668 г.)*

Семнадцатое столетие – между Смутой и петровскими преобразованиями – представляет собой критическую эпоху в истории не только России, но и русской образованности. Пусть даже крутая ломка сложившегося уклада при Петре увела его далеко в сторону от возможного естественного хода вещей, русские люди, по крайней мере отчасти, осознали свои недостатки и потребности и приступили, – впрочем, без большой энергии – к их исправлению. Кризис старого образовательного идеала – наследие еще допетровской эпохи.

#### Элементарная школа

Московское царство обладало сетью элементарных школ – возможно, и не слишком уступавшей тогдашнему Западу. Академик Алексей Иванович Соболевский (1856–1929) приходит к выводам, что грамотность в России XV–XVII веков была не ниже, чем в Европе (поголовная – для белого духовенства, не менее 70% – для монахов, чуть ниже для помещиков, около 20% для посадских людей, самая низкая у военных)<sup>1</sup>. Человек, только разбиравший буквы и умевший читать, не считался образованным. Уважение своей эрудицией мог заслужить начетник – тот, кто ознакомился (в переводах, разумеется) с большим количеством литературы – прежде всего духовной<sup>2</sup>. А.И. Соболевский описывает

<sup>1</sup> Соболевский А.И. Образованность Московской Руси XV–XVII вв. Речь, читанная на годичном акте Императорского С.-Петербургского университета 8 февр. 1892 г. орд. проф. А.И. Соболевским. СПб., 1892. С. 5 – 12.

<sup>2</sup> Иван Васильевич Киреевский впоследствии взял этот идеал под защиту в знаменитой реплике: «Россия не блестела ни художествами, ни учеными изобретениями, не имея времени развиться в этом отношении самобытно, и не принимая чужого развития, основанного на ложном взгляде и потому враждебного ее христианскому духу. Но зато в ней хранилось первое условие развития правильного, требующего только времени и

этот образовательный идеал так: «То количество грамотных, какое было в московском государстве в XV–XVII веках, казалось людям того времени вполне достаточным, и мы совсем не слышим ни от правительства, ни от частных лиц жалоб на недостаток в них. Равным образом мы не слышим ни от кого никому никаких похвал за простую грамотность, не замечаем, чтобы простая грамотность сколько-нибудь высоко ценилась. Напротив того, мы имеем ряд указаний, что одно умение читать и писать в XVI и XVII веках многих не удовлетворяло. Можно сказать, что в Москве этого времени не высоко ценили даже людей „грамоте гораздых“, таких, которые отлично читали и писали... Значение придавалось тогда лишь людям, вполне изучившим Священное Писание и святоотеческие творения и проникшим в их смысл, а сверх того, свободно владевшим церковно-славянским языком» (с. 12)<sup>1</sup>. «Интересы мысли и знания сводились у древнерусского человека, прошедшего суровую школу воспитания, к интересам понимания книг Божественного Писания. Эти книги надо было добывать самому, иногда самому для себя переписывать и каждую одолевая наедине. Чтение книг являлось единственной возможностью удовлетворить свои стремления к знанию у того, у кого эти стремления пробуждались.<...> Так как вся тогдашняя литература состояла из книг Св. Писания и творений Отцов Церкви, из летописей, вообще книг, говоривших о предметах духовных и божественных, то начетническое уважение к книге выросло часто в глубокое преклонение перед всем написанным»<sup>2</sup>. Николай Федорович Каптерев следующим образом описывает политику государственной власти, основанную именно на этих представлениях: «Наше правительство на первых порах думало, что указанная потребность в образовании может быть удовлетворена другим путем, почему оно, оставляя ученых иностранцев в Москве, требовало от них не устройства школы, а переводов книг... Самостоятельное чтение книг делало тогдашнего человека

благоприятных обстоятельств; в ней собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное основание наукам. Все Святые Отцы Греческие, не исключая самых глубоких писателей, были переведены и читаны, и переписываемы, и изучаемы в тишине наших монастырей, этих святых зародышей несбывшихся университетов. Исаак Сирий, глубокомысленнейшее из всех философских писаний, до сих пор еще находится в списках XII и XIII века. И эти монастыри были в живом беспреданном соприкосновении с народом. Какое просвещение в нашем подлом классе не вправе мы заключить из этого одного факта!». – В ответ А.С. Хомякову. Полное собрание сочинений И.В. Киреевского: в 2 т.: Под редакцией М. Гершензона. Т. I. М.: Типография Императорского Московского университета. 1911. С. 118–119.

<sup>1</sup> Взгляды А.И. Соболевского не являются общепринятыми: см., напр.: *Галкин А.* Академия в Москве в XVII столетии. М., 1913. С. 5. «По мнению большинства исследователей, XV–XVII века представляют собой одну из наиболее темных страниц в истории русской культуры. Даже лица, придерживающиеся оптимистического взгляда на образованность древней Руси, признают, что в то время у нас не было никаких школ; для русского человека того времени не существовало никакой, сколько-нибудь цельной, правильной системы образования». Замечание о выкладках Соболевского в примеч. 1, с. 5–6: «Нам, однако, кажется, что эти статистические данные носят совершенно случайный характер, а потому едва ли соответствуют действительности. Дело в том, что проф. Соболевский, в своих вычислениях, пользовался „рукоприкладствами“ на разного рода документах. Но „рукоприкладства“ могут служить показателем процента грамотности не целого сословия или класса, а лишь той группы лиц, от имени которой составлен документ». С. 7: «В начале XVII века один из справщиков, старец Арсений Глухой, так характеризует этих грамотеев-начетчиков: „Они едва азбуку умеют, а того наверно не знают, какие в азбуке буквы гласные и согласные; а о частях речи, залогах, числах, временах и лицах – то даже им и на разум не всаживало, священная же философия и в руках не бывала“» (со ссылкой: Александр Васильевич Горский. О духовных училищах в Москве в XVII в. Приб. к творениям Святых Отцов, 1845, III, с. 152).

<sup>2</sup> Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II / Сост. С.А. Князьков и Н.И. Сербов; под ред. проф. С.В. Рождественского. М., 1910. С. 29.

в глазах общества лицом образованным, ученым... о получении образования вне начетничества русский человек не имел представления»<sup>1</sup>. Но именно раскол и показал несостоятельность этого идеала: вожди оппозиции были как раз теми людьми, кто воплощал его в полной мере<sup>2</sup>. В день Рождества Христова 1668 г. в Успенском соборе в присутствии Царя, бояр, архиереев и духовенства было произнесено от имени греческих патриархов слово «О взыскании премудрости Божественная». Высоко оценив благочестие русских, патриархи нелицеприятно отозвались об уровне их школьной выучки: «Видим бо, яко во многих от вас не имеет премудрость места, идеже главу преклонити, скитается она, якоже Христос, премудрость Божия, в Вифлеемсте вертепе, и несть взыскавая ея...»<sup>3</sup>. О враждебном отношении общества или по крайней мере его части к серьезным интеллектуальным интересам свидетельствует реплика, приведенная В.О. Ключевским: «Богомерзостен пред Богом всяк, любяй геометрию, – читаем в одном древнерусском поучении, – а се душевнии греси учитися астрономии и еллинским книгам; проклиная прелесть тех, иже зрят на круг небесный; своему разуму верующий удобь впадает в прелести различныя; любии простыню паче мудрости, высочайшего себе не изыскай, глубочайшего себе не испытай, а елико ти предано от Бога готовое учение, то содержи»<sup>4</sup>. С.М. Соловьев – пожалуй, с излишней резкостью – пишет: «Древний русский человек начинал очень рано общественную деятельность недоноском относительно приготовления, образования, с неокрепшими духовными силами»<sup>5</sup>.

Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов (конец 60-х или начало 70-х гг. XVII в. – 1731), преподаватель, писатель и переводчик, справщик, а затем директор московского Печатного двора и Синодальной типографии, писал в предисловии к третьему изданию грамматики Мелетия Смотрицкого: «Яко издревле российским детоводцем и учителем обычай бе и есть учить дети малыя вначале азбуце, потом Часословцу и Псалтири<sup>6</sup>, таже писати, по сих же нецыи преподаю[т] и чтение Ап[осто]ла. Возрастающих же препровождают ко чтению

<sup>1</sup> Каптерев Н. Годичный акт в Московской Духовной академии 1 октября 1889 года. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-Греко-Латинской академии. Речь, произнесенная на публичном акте Московской Духовной академии 1 октября 1889 года экстраординарным профессором Н. Каптеревым. М., 1889. С. 42.

<sup>2</sup> «29. Повелеваем еще к сему, яко да всякий Священник детей своих научает грамоте и страху Божию и всякому церковному благочинию, со всяким прилежанием, яко да будут достойни в восприятие священства, и наследницы по них церкви и церковному месту; а не оставляти им детей своих наследником мамоне, а Церковь Христову корчемствовати, и во священство поставлятися сельским невеждам (иже инии ниже скоты пасти умеют, колыми паче людей); тем убо бывают в церкви Божией мятежи и расколы» // ПСЗ 412. Выписка из деяний Собора бывшего в сем году в Москве. О лицах духовного ведомства, об устройстве судов Патриаршего и Епископских... о благочинии церковном и монастырском... Глава II.

<sup>3</sup> Каптерев П.Ф. История русской педагогики. 2-е изд., пересмотренное и дополненное. Пг., 1915. С. 91.

<sup>4</sup> Ключевский В.О. Западное влияние в России XVII в. // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 38. С. 552.

<sup>5</sup> Россия перед эпохою преобразования (История России с древнейших времен, т. 13, гл. 1) // Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 346.

<sup>6</sup> Ср.: Корзо М. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М.: Канон+, 2007. С. 505. «Младые дети первее починають учить по сей составней словенстей азбуце по ряду словом и потом, узнав писмена и слоги и изучив сию малую книжицу – азбуку, начинают часовник и псалтирь и прочая книга» (Азбуковник XVII в. из библиотеки Уфимской семинарии, со ссылкой: [Маркс Н.А.] К азбуке конца XVII века из собрания А.И. Успенского, изданной Московским Археологическим институтом. М., 1909. С. 11). Азбуки зачастую издавались в составе часословов.

и с[вя]щенные Библии и Бесед ев[анге]лских и ап[осто]лских и к разсуждению высокога во оных книгах лежащаго разумения». «Дети входят в темные сени, которые делят строение на две половины. В одной половине живет дьячок-учитель, в другой – происходит книжное научение. Учебная изба невелика: шагов 8 в одну сторону, немного больше в другую. Стены бревенчатые темные, по стенам – лавки... В переднем углу в полумраке теплится небольшая лампадка. Дрожащим светом она обливает темные лики икон в медных окладах... Это – обычная обстановка жилья, и только пачки книг на длинной полке подле образов, гусиные перья, перочинный нож и чернильница на столе, да висящий на стене пук розог намекают, что здесь происходит ученье. Войдя в избу, каждый крестится, кланяется образам и, отдав поклон товарищам, подходит к старшему ученику. Его выделил учитель из всех, „яко добрейшего и искусного“, и избрал себе в помощь в его нелегкой задаче „блюсти учеников и хранить их яко зеницу ока“»<sup>1</sup>. Так выглядит начало учебного дня в такой школе в исторической реконструкции. Старший следит за порядком, смотрит, чтобы ученики топили печь и подметали избу по очереди, спрашивает урок, заставляет повторять выученное, выдает книги и смотрит, чтобы с ними обращались как должно. Начинаям вручается букварь, старшим – часослов и учебная псалтырь<sup>2</sup>. Тем, кто эту премудрость уже одолел, дают Евангелие и Апостол. Для руководства учителя служат «Грамматика» Мелетия Герасимовича Смотрицкого и азбуковники – энциклопедические словари той эпохи. В таком азбуковнике можно было прочесть, например, следующее: «Каркодил то есть зверь тако именуем иже живет в воде и на сусе, велми же лют, главу имать василискову, а хребет его аки гребень, а хобот змиев имже бьет на ково гневается. А егда иметь человека ясти, тогда плачет и рыдает, а ясти не перестанет»; «Кораном наречется книга скверного Моамефа, в ней же писаны скаредные его предания. Ихже злочестивым Агаряном держати предаде» или «Есть звери подобны человеку имут ноги козии и на главах роги, яже инде наричются телорози, а инде наричются сатуры»<sup>3</sup>. Занятия проходят для всех одновременно, деления на классы нет. Дьячок-наставник берет плату либо деньгами, либо натурой.

Курс охватывает чтение, письмо, пение – красота церковной службы очень ценилась – и самые начатки арифметики (ее изучение было затруднено сложной буквенной системой записи чисел). Ученики много раз нараспев повторяют сказанное учителем. Чтение по складам предполагало изучение названий букв и образование из них слогов: буки-аз – ба, веди-аз – ва, буки-есть – бе, и т.д. Далее слоги складываются в слова; от кратких слов ученик переходит к более длинным. Эта технология обучения грамоте коренится еще в античной

<sup>1</sup> Тарасов Н.Г., Гартвиг А.Ф. Книжное научение. М.: Издание Т-ва «В.В. Думнов, наследники Бр. Салаевых», 1913. С. 3–4.

<sup>2</sup> Мелетий Смотрицкий так советовал читать Псалтырь: «Зри, внимай, разумей, рассмотряй, памятьуй, как Псалтырь говорити. Первое – что говорити; второе, – всяко слово договаривати; третье, – на строках ставитися (делать паузу в конце строки. — А.Л.); четвертое, – умом разумети словеса, что говорити; пятое, – пословицы знати, да и памятовати, как которое слово говорити: сверху слово ударити голосом, или прямо молвити. А всякое слово почати духом: ясно, чисто, звонко; кончати духом потомуж, слово чисто, звонко, равным голосом, ни высоко, ни низко, ни слабея словом, ни насилу кричати, ни тихо, ни борзо, а часто отдыхати, и крепко по три или по четыре строки – духом, а равно строкою говорити. А весь сей указ умом, да языком, да гласом, содержится и красится во всяком человеце и во всяких пословицах книжных». Цит. по: *Извеков Д.* Букварная система обучения // Педагогический журнал «Семья и школа», издаваемый под редакцією Юл. Симашко. СПб., 1872. № 5. Май. Книга II. Родителям и воспитателям. С. 730.

<sup>3</sup> См.: Азбуковник XVII в. Рукопись 129 в собрании ОРКиР НБ МГУ. Л. 78 об., 87, 85. Об азбуковниках см.: *Ковтун Людмила Степановна.* Азбуковники XVI–XVII вв. (старшая разновидность). Л.: Наука, 1989.

традиции<sup>1</sup>. «Неотступно следит учитель, чтобы произносились одни буквы „дебело (то есть густо. – А.Л.) и тоносно“, другие – „с пригбением уст и с раздвижением, паче же ять с естем разлили“, чтобы не говорили и не писали „вместо пѣние – пение, вместо пѣти – пети, что велми зазорно и укорно“<sup>2</sup>. После складов учат слова подтительные (то есть те, которые пишутся в сокращенном виде, под титлами) и ударения. Неспешный метод обучения дает ученику на постижение азбуки год, а то и больше. Рассаживаются дети по успеваемости – лучшие сидят ближе к учителю (в XVIII в. эта традиция сохранялась, как мы увидим, и в школах совершенно иного типа, впоследствии пережив их). К малоуспешным ученикам – кроме брани и традиционной лозы – применялась молитва для неудобоучащихся грамоте, служили молебны святым Козьме и Дамиану и пророку Науму. Учитель рассказывал им в утешение и подкрепление, как трудно сначала давалось ученье святым Сергию Радонежскому и Александру Свирскому<sup>3</sup>. В субботу ученики повторяли выученное за неделю. Тогда же их наказывали за провинности. Интересен буквосочетательный способ обучения грамоте, предложенный в цитируемом без дальнейших объяснений «слове Епифания Славинецкого» в рукописном букваре: «Внятно требствует учити: сице, первое сложи два писмена, гласное с согласным и рцы, буки аз; таже сотвори препятие гласом, или отдохновение, и рцы слог, ба; паки и на два писмена совокупи, сице веди аз, и паки соделай препинание гласа, таже рцы слог: ва; сице и триписменные слоги слагай; слово люди аз, и стани, таже рцы слог: сла; паки слагай, веди люди ю, и отдохнув, рцы слог; влю. По сем глаголи все речение купно, славлю, тако и прочая посему учи»<sup>4</sup>. И далее, предупреждая возможные педагогические ошибки: «Паки учитель да весть, како ученика учити слогом не нераздельно подобает учити (яко обыкоша неискуснии, букиаз-ба, ведиаз-ва, глагольаз-га и прочая; не тако убо подобает слоги учити): но раздельно и учащемуся»<sup>5</sup>.

«Школьное благочиние» – произведение XVII в. – представляло взаимоотношения учеников и учителя в виде такого диалога. «Учитель. аз ко онем вышеписанным тя направлю книжному разумению прилежно тя наставляю аз в книжном разумении даю тебе смысл дабы ты во блгом учении был быстр аз ко учению вразумляю тя прилежно ты же сих всегда учися неотложно; аз тебе вся книжная любомудрия, указую тебе всем блгим усердно и любезно наказую аз во благое наказание себе вдаси то всегда блгая земли снеси аще в наказании моих пребудеши то везде честен будеши аще в данных тебе уроках облепишися то и ран терпети не постыдишися аще мя подобающею честию почтиша то всегда без боязни поспиша аще хочеши ран избыти всегда надобно учливу быти. аще в написанне которыхъ сих словесех непребудеши вестно буди яко бес побои не пробудеши.

Ученицы. аще блгим учением нас наслаждаеши и страх бжи в сердца наша всаждаеши аще страхом своим нам смиренным претиши чстоту дшевную и телесную хранити нам велиши аще наша младоумная где будет истрата твоя милостваго нам учителя буди исправа аще нечто малоумием пред тобою и согрешим но ти со страхом винныя к тебе поспешим аще где и вина наша явится но ты к нам смиренным милосерд покажися аще всегда наказуеши нас во благое молися да не прикоснется нам никогда злое а очесом твое от нас смирен-

<sup>1</sup> Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция). М., 1998. С. 211–224.

<sup>2</sup> Тарасов Н.Г., Гартвиг А.Ф. Книжное научение. С. 11.

<sup>3</sup> Там же. С. 13.

<sup>4</sup> Извеков Д.И. Семья и школа. 1872. Май. № 5. С. 740.

<sup>5</sup> Там же. С. 741. Автор статьи даже полагает, что в букваре предвосхищается звуковой прием, подходящий для русского языка, то есть произнесение в соответствии с написанием: «Подобает коеждо писмя глаголати, яко оно глас свой творит, и якоже глас его есть, сице и звати тое, по гласу его».



ных благое попечение всяко и твое в том от ба вечное спасение. аще некогда и биение от тебе терпим но мы тем умы своя крепим аще нны нам и не мнится радость последи же уразумеем в себе дшевную сладость. аще в наказаниях твоих не поидем посреде честных людеи не воидем»<sup>1</sup>.

Это была школа начальная, церковная, народная и частная, – она не давала никаких официальных прав и не регулировалась законодательством. Впрочем, в указах Алексея Михайловича можно встретить – в зачаточном и весьма несовершенном виде – идею льгот по образовательному цензу: именной указ от 15 декабря 1659 г. (ПСЗ 288) велит «послать в Переславль Рязанской и в Рязанские пригороды... Стряпчего Назарья Иванова сына Чевкина; а в тех городех и в Рязанском уезде во всех станех указал великий Государь ему Назарью собрать рязанцов, детей боярских недорослей, которые в службу поспели, а Государевы службы не служат, и в чинех ни в каких не записаны, а живут у отцов своих, и у дядьев, и у братьев, и у иных своих родимцев, и поповых и дьячковых детей и племянников и внучат, у которых сына по два, и по три, и по четыре, взять от дву третьего, а от четырех двух; а в которой семье больше, тех по тому ж; а которые грамоте умеют, и тех оставливать с отцами у церквей, чтоб церквам оскуденья не было, а лишних всех имать и писать в службу; а то им сказывать, что напишут их в службу по рассмотренью, кто в какую годится. А собрать ему в тех городех в стрелецкую службу... [1500] стрельцов... да в солдатскую службу 1500 человек» (военных требовалось много, поскольку шла война с Польшей); ср. аналогичный указ (ПСЗ 289) для Владимира: «а у церквей с отцами оставливать тех, которые дети их грамоте умеют, чтоб у церквей без пения не было»<sup>2</sup>. Интересно, что эти указы фактически очерчивают и школьную программу – пение воспринимается как обязательный ее компонент. Для дворян ничего подобного нет, – их смотры и разборы не учитывают образовательного ценза. В случае когда у дворянина велено требовать собственноручно подписанные бумаги, делается оговорка: если тот не знает грамоте, подпись за него может поставить духовный отец или иное пользующееся его доверием лицо.

<sup>1</sup> См.: Буш В.В. Памятники старинного русского воспитания (К истории древнерусской письменности и культуры // Записки историко-филологического факультета Петроградского университета. Ч. СХLII. Пг., 1918. С. 88–89. Текст помещен в разделе азбуковников. О школьных азбуковниках – и рукописных источниках – 22 сл. Автор скорее всего был знаком с бытом южнорусских школ (27); такие азбуковники могли использоваться только в школах высшего типа (29): «Для характеристики школ грамоты азбуковники, – весьма ненадежный и шаткий материал». На с. 8 – ценная библиография о древнерусских памятниках педагогической мысли. На с. 33–61 размещено «Гражданство обычаев детских», которое ныне считается первым переводом западного педагогического трактата Эразма Роттердамского «De civilitate morum puerilium». Библиография: Алексеев М.П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. // Славянская филология. Вып. 1. М., 1958; Кононович С.С. Епифаний Славинецкий и «Гражданство обычаев детских» // Советская педагогика. 1970. № 10; ее же. Ян Амос Коменский и Епифаний Славинецкий // Новые исследования в педагогических науках. 1970. № 1; Численко Н.Д., «Гражданство обычаев детских» и его польский источник // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978; Кошелева О.Е. «Гражданство обычаев детских»: история изучения памятника и его роль в русской культуре XVII в. // Актуальные вопросы историографии и источниковедения истории школы и педагогики. М., 1986 (ротапринт).

<sup>2</sup> Впрочем, указ, адресованный тому же боярину князю Федору Федоровичу Куракину, что и 289, – ПСЗ 291, от 1 февраля 1660 г., – предписывает не брать детей духовенства на службу насильно: «велено было писать в службу детей их, которые не во дьячках, и не в пономарях, и которые грамоте не умеют, живут в гуляках и ходят за неподобными промыслами и за воровством. И Мы, великий Государь, их... пожаловали, детей их в службу писать не велети (sic! – А.Л.)... А кто детей их и братья и племянников и не от церквей, неумеющих грамоте, похотят в Нашу Государеву службу писаться из воли, и они б (родственники. – А.Л.) им в том не запрещали». В этом указе можно при желании увидеть осознание того факта, что грамотность положительно сказывается на моральном уровне населения...



## Воронежские обычаи

Интересно, что на южной окраине государства на рубеже XVII–XVIII вв. был достигнут неплохой уровень грамотности. Исследователь истории Воронежа пишет об этом так: «Замечательно, что в Воронеже и в XVII же веке, несмотря на отсутствие указаний на существование школ в городе, число грамотных воронежцев было сравнительно весьма велико, и притом вовсе не замечается преимущества в этом отношении для более обеспеченных классов, как княжеского или боярского рода или для лиц духовного звания; вовсе нет. То и дело встречаем наравне с дворянами и с детьми боярскими и грамотных купцов и крестьян. Наши местные старинные документы могут убедить каждого в том, что значительная часть населения Воронежа XVII столетия была грамотна, по крайней мере настолько, что могла подписывать акты. И мы в последних то и дело встречаем *собственноручные* подписи; если же и встречаются несобственноручные подписи, то они обыкновенно принадлежат бобылям или женщинам; – эти акты совершались за руками духовных отцов, как лиц, заслуживавших доверия Правительства. Не занималось ли Воронежское духовенство распространением грамотности, а если не оно, то, спрашивается, кто же? И откуда взялась эта масса грамотных, когда в Воронеже, повидимому, еще не существовало ни одной школы?»

Хотя прямого указания на существование в XVII ст. школ в Воронеже мы в старинных актах местных архивов до сих пор не встречали, тем не менее, полагаем, что таковые должны были существовать. Говоря так, мы имеем в виду, помимо значительного процента грамотных воронежцев XVII века, еще тот несомненный факт, что в селе Ендовище существовала уже школа в конце XVII столетия. Как видно из отысканного нами документа, школу эту посещали дети казаков-черкас; выпускные ученики назывались *выростками*. Учителем в этой школе в 1703 году был дьячек местной церкви, Успенской, Роман Прокофьев. По черкасской своей *обычности*, учитель-дьячек с своими *выростки*, в определенные дни, ходил по домам ендовищенских граждан „воспевать“. Вероятно, не в одном же селе Ендовище дьячки занимались обучением грамоте, а и в Воронеже. Грамота преподавалась по азбукам, составленным грамотеями. Знатный житель, выдавая дочь замуж, вместе с рядною записью заказывал грамотею написать и азбуку для своих будущих внуков. Так поступил некто Михнев, отдавая свою дочь Анну замуж; при рядной записи приложена азбука, сочиненная Афонкою Лимбровым»<sup>1</sup>.

\* \* \*

ПСЗ 2102 (именной указ от 15 апреля 1706 г.), предписывает назначить особого старосту с десятью подьячими при Ивановской Палатке для составления безграмотным людям нужных бумаг. Указ отражает сложившуюся практику участия неграмотных в судопроизводстве (судя по датировке, значительно более старую, нежели он сам). «Впредь сего такие письма писали и руки прикладывали бывшие разных Приказов подьячие, которые за пьянство, а иные и за воровство по наказанию от Приказов отставлены, которые написав какое письмо, или крепости, руки не приложат, а и приложат, возмет наперед за работу хотя и малое что, а потом без прибавочных денег не отдаст, а кому дать больше нечего, и те крепости в руках своих портили нарочно, от чего крепости переписывали вторично и от тех задержаний писем и переписывания вторичных крепостей всяких чинов людям, а паче крестьянам чинились убытки и волокиты...».

<sup>1</sup> Город Воронеж, истор. очерк, исслед. Л.Б. Вейнберга // Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия города Воронежа. Т. I. Воронеж, 1886. С. 127–128.

## Буквари

XVII век привнес значимое новшество в элементарное обучение: если раньше учебные пособия были рукописными, то в 1634 г. вышел первый печатный букварь<sup>1</sup>, приписываемый патриаршему дьяку и справщику Печатного двора Василию Бурцову. Этот букварь – считает Д.И. Извеков – предлагал «довольно обширный курс начального обучения, о котором предшественники и не помышляли»<sup>2</sup>. «В настоящее время, – пишет Маргарита Корзо<sup>3</sup>, – исследователям доступно 11 изданий букварей XVII в. (См.: Бурцова: 20.VIII.1634, 8.II.1637; Московского Печатного двора: 1657, 1664, 28.IX.1667, 28.IX.1669; московской верхней типографии XII.1679<sup>4</sup>;

<sup>1</sup> Корзо М. Украинская и белорусская катехетическая традиция... С. 504: чаще всего элементарные пособия для обучения грамоте именовали «азбуками»; название «букварь» появляется впервые на титульном листе издания виленского православного братства (Евье, 24.VII.1618); со ссылкой: Книга Беларусі. № 83. С. 89–90. А.А. Круминг называет букварем «пособие для обучения чтению, имеющее форму брошюры или небольшой книги, а азбукой – подобное же пособие, но меньшего объема (не более 4 страниц), напечатанное в виде листовки, таблицы и т.п.», с примеч.: «Круминг А.А. Первпечатные славянские буквари. Федоровские чтения: 1983. М., 1987. С. 74». «В ранних печатных изданиях в качестве учебного материала использовались т.н. толковые азбуки, или азбуки-границы (это название появляется не позднее XV в.), а также подборка молитв из Часослова. Такой набор текстов и порядок их освоения отражал давнюю общеславянскую традицию».

<sup>2</sup> Извеков Д.И. Семья и школа. 1872. Май. № 5. С. 728.

<sup>3</sup> Корзо М. С. 540–541.

<sup>4</sup> Считается, что букварь 1679 г. подготовлен Симеоном Полоцким (*Сетин Ф.И.* Буквари Симеона Полоцкого в ряду древнерусских учебников XVI–XVII вв. // Русская старопечатная литература, XVI – первая четверть XVIII в. М.: Наука, 1982. С. 95). Ф.И. Сетин приписывает Симеону еще два букваря (с. 96 сл.): 1664 г. (Московского печатного двора, в значительной мере повторявший прежний (1657 г.), но с новшествами: расширены азбучная и грамматическая части, сняты некоторые молитвы. Исследователь пишет: «В этом „Букваре“ была предпринята попытка учесть интересы детей. В нем были опубликованы приветствия от детей, адресованные их родителям и благодетелям. Хотя приветствия были написаны на церковно-славянском языке, но в какой-то мере они приспособивались для детского понимания. Автором этих приветствий, как и предисловия к книге, был Симеон Полоцкий, так как они находятся в составе его рукописей („Книга приветствия“, прим.: ГИМ, Синод. собр., № 299, л. 27, 28, 83, 89, 109, 171, 172, 237–238). Поэтому можно предполагать, что Симеон принял участие и в подготовке книги к изданию». Это предположение по крайней мере вероятно, хотя и требует более развернутой аргументации. Что касается идентичных букварей 1667 и 1669 гг., то они сильно отличаются от других по структуре: почти нет грамматических сведений; сильно сокращена азбучная часть; почти сняты молитвы. Для детского чтения остаются одни приветствия светского назначения. Есть большое предисловие о ценности писания; нет упоминаний Царя и Патриарха. Исследователь объясняет последний факт инициативой частного лица, каковым был, по его мнению, Ф.М. Ртищев. С. 98–99: «Составитель, очевидно, Симеон Полоцкий, стремился создать светскую книгу, насытить ее просветительскими идеями <...>. В 1664 г. царь Алексей Михайлович назначил своего сподвижника Ф.М. Ртищева воспитателем царевича Алексея. В связи с этим, возможно, по его инициативе был подготовлен и издан «Букварь» 1664 г. К подготовке этой книги, вероятно, Ртищев привлек Симеона, которого он часто принимал в своем доме (со ссылкой: *Робинсон А.Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 37–39, 41–42, 45–48, 50). Успешная работа над «Букварем», очевидно, и побудила в дальнейшем царя назначить Симеона учителем наследника престола и других царских детей». Нагромождение предположений, каждое из которых не слишком правдоподобно само по себе, неубедительно – тем более что букварь Верхней типографии, к которому Симеон имеет прямое отношение, как раз весьма подробный, с молитвами, Символом веры и т.п. Некоторые из тезисов – о «просветительских» идеях, насытивших букварь, в котором почти не осталось его обычных структурных элементов, или о выборе воспитателя для царской семьи по удачно составленному претендентом букварю, настолько саморазоблачительны, что не нуждаются в наших опровержениях.

Кариона Истомина: III.1694 и 4.VI.1696<sup>1</sup>) и 4 издания кирилловской печати начала XVIII в. Фактически опубликованных букварей было значительно больше. По некоторым подсчетам, в 1633–1695 гг. на Московском Печатном дворе напечатали как минимум 28 букварей и азбук-прописей (последние, вплоть до азбуки Кариона Истомина, издавались в виде свитков)<sup>2</sup>. В «Букваре» Бурцева перед грамматической частью помещена гравюра – первое в московском книгопечатании светское изображение – с надписью «Училище»: дети вокруг стола с раскрытыми учебниками и наставник, вразумляющий розгой нерадивого ученика. Подпись гласит: «Виждь чадо сию лозу / яко сотворена тебе на грозу» (л. 13 об.)<sup>3</sup>. В рукописных азбуках распространено следующее поучение – перевод польской колядки из букварей Rózcyka<sup>4</sup>:

Розгою Дух Святыи детище бити велит,  
 Розга убо ниже мало здравия вредит.  
 Розга разум во главу детям вгоняет,  
 Учит молитве и злых всех встягает.  
 Розга родителем послушны дети творит,  
 Розга Божественнаго Писания учит.  
 Розга аще и биет, но не ломит кости,  
 А детище оставляет от всякия злости.  
 Розгою аще отец и мати часто биют детище свое,  
 Избавляют душу его от всякаго греха.  
 Розга учит делати вся присно ради хлеба,  
 Розга дети ведет правым путем до неба.  
 Розга убо всяким добротам поучает,  
 Розга и злых детей в преблагия претворяет.  
 Розгою отец и мати еже детище не биют,  
 Удаву на выю его скоро увиют.  
 Вразуми, Боже, матери и учителя,  
 Розгою малых детей быти ранители.  
 Благослови, Боже, оные леса,  
 Иже розги добрые родят на долгия времена.  
 Малым детям розга черемховая двоюлетняя,  
 Сверстным же березовая к воумлению,  
 Черемховая же к страхованию учения.  
 Старым же дубовый жезл к подкреплению.  
 Млад бо без розги не может ся воумити,  
 Старый же без жезла не может ходити.  
 Аще ли же без розги из млада возрастется,  
 Старости не достиг, удобь скончится.

<sup>1</sup> «...Р. Клеминсон называет также (предположительно московские) издания 1688 г. (Лондон, Библиотека Британского Музея) и 1698 г. (Копенгаген, Королевская Библиотека) (*Cleminson R. East Slavonic Primers to 1700 // Australian Slavonic and East European Studies. Vol. 2. 1988. № 1. P. 24*). Букварь 1698 г. (называя его третьим изданием Бурцовского букваря) упоминали также: *Калайдович К. Азбука, составленная Василием Федоровичем Бурцевым // Северный архив. Ч. VI. 1823. № 11. С. 323; Миропольский С. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. Вып. 3. СПб., 1895. С. 114*». – *Примеч. Маргариты Корзо.*

<sup>2</sup> *Поздеева И.В., Пушкин В.П., Дадькин А.В. Московский Печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона. Исследования и публикации. М., 2001. С. 20–21.* – *Примеч. Маргариты Корзо.*

<sup>3</sup> *Корзо М. С. 545.*

<sup>4</sup> Там же.

Д.И. Извеков не обходит вниманием и приписываемый Лихудам рукописный букварь. Эта книга дает любопытный дидактический материал и содержит наставления, обращенные к ученику (Извеков, с. 738):

Юноша не почивай на постланном ложи,  
да не удебелиши с плотию и кожи.  
И из под главы пуховик на страну отложи,  
но вместо же онаго черствше что подложи.  
и тя самага голо на одре повержи.  
И так яко либо тело утомиши,  
и сладко немечтанно, и бодро поспиши.  
Случився же одра, Богу помолися,  
и абие за дело любезно имися.  
Всегда тако жития препроводи время,  
отлагая всякое грехов твоих бремя.  
Не хотяй трудолюбно юный учитися,  
презельно о том стар сый будет стыдетися.  
Благочестиво преходя жизнь сию человек,  
присно да размышляет пресуетный сей век.  
Никогда забывая последнего конца,  
да некако лишится пресветлаго венца.

Приведем предисловие к азбуке, упомянутой, когда речь шла о воронежских обычаях<sup>1</sup>:

Благоволением  
Господа Бога  
Споспешением  
Богоматере Пресвятыя Владычицы нашея  
Богородицы и Приснодевы Марии, наставлением  
Ангела моего Хранителя  
Написах сию писменую азбуку  
От Бога же помощь имех, что Бог  
Изволил, то и написал: человек бо есмь;  
Грешен. Вы же, Отцы Святии Господне  
И братие! Аще обращете в неи  
Кто, смотря ее, или учася  
От нея писати, не строино написано,  
И вы умилосердитесь надо мною убогим  
И многогрешным, молитесь за меня  
Бога, чтоб Господь Бог умилосердился  
Надомного многогрешным; избавил бы  
Мя шуего стояния; а незаразумие  
Мое простите мя, а не клените, якожь  
И вы вси во благочестии живуции  
Требуете от Бога прощения о согрешении.  
А хто возмнится глаголяти велеречивыя  
Глаголы на азбуку сию нестроенство  
И на меня убогова незаразумие –  
Весть бо, что всяк человек  
Не Ангел подобоострастен,  
Мне хуливыже, напиши лутчи в такое ж  
Время или даждь смотрити писанныя  
Азбуки своейи руки. А буками и мудрыми людми  
Не отговариваися: вем бо я, что у Господа  
Бога святых и премудрых людеи много;

<sup>1</sup> Вейнберг Л.Б. Указ. соч. Приложения. С. 266.

Число ж их яко звезд небесных,  
 Но не ты, похуливыи мою писменую азбуку.  
 Возслем же вси паки купно благодарения  
 Господу Богу и Спасителю Нашему Иисусу Христу купне  
 Святеи Животворящеи и Неразделимеи  
 Троице, Отцу и Сыну и Святому Духу  
 Честь и великолепие и поклонение  
 Ныне и присно и в безконечныя веки  
 Веков аминь, аминь, аминь.  
 Конец, и Богу Слава.

Кроме пособий для изучения грамоты встречаются – пока в рукописном виде – и элементарные пособия по математике. В XVII в. в России вводится и распространяется арабская нумерация – «цифирь»<sup>1</sup>. Арифметику называли «цифирной счетной мудростью». Содержание этих учебников неизменно: нумерация, четыре действия над целыми числами, инструментальный счет, метрология, обыкновенные дроби, тройное и фальшивое правило и развлекательные задачи<sup>2</sup>. Статьи «торговая», «ростовая и добыточная», «торговая книга» посвящены коммерции. В некоторых рукописях представлена и геометрия – сугубо прикладной материал: «о хлебом в житницах измерении», «о земном верстании», «о боченочных мерах». Лишь в конце столетия появляется первая печатная книга по математике – «Считание удобное, которым всякий человек, купующий или продающий, зело удобно взыскати может число всякия вещи» (М., 1682)<sup>3</sup>. «Считание» состояло из 50 таблиц умножения. Оно должно было облегчать расчеты в торговых операциях: «Если меры положить в верхней строке, а цену в посторонней строке, и ты от того числа пойдя рядом клеточками и дойди до той клеточки, которая стоит против верхнего числа, которое число меру показывает, и стани: и сколько в той клеточке будет чисел, столько будет за тот товар цены копейками, или алтынами, или гривнами, или рублями»<sup>4</sup>. Второе издание – «Книга считания удобного» – вышло в 1714 г. «Книги сошного письма» (рукописные) и гравюра «Сошное письмо» (1685) Логиона Урусского были задуманы как руководство для сбора поземельного налога «с сохи». В 1699 г. Илья Федорович Копиевский в Амстердаме издает «Краткое и полезное руковедение по арифметыку» по заказу торгующих в Архангельске купцов. Из ее 48 страниц, пишет Р.А. Симонов, лишь треть отведена собственно арифметике, а остальное – нравоучительным сентенциям<sup>5</sup>. У купцов это пособие – скорее учебник, нежели справочник – не вызвало энтузиазма<sup>6</sup>. <...>

<sup>1</sup> Кузнецова В.С., Симонов Р.А. «Цифирная счетная мудрость» – первый русский учебник арифметики // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси (Малоисследованные проблемы и источники): Сб. науч. трудов. М., 1983. С. 94 сл.

<sup>2</sup> Тройное правило – определение по трем числам четвертого с помощью пропорции. Это кульминационная точка средневекового искусства вычисления.

<sup>3</sup> Симонов Р.А. Русская учебная математическая литература конца XVII века // Там же. С. 98 сл.

<sup>4</sup> Там же. С. 99–100.

<sup>5</sup> Там же. С. 101.

<sup>6</sup> Об этом сообщает сам И.Ф. Копиевский в челобитной к Петру: «[Прикащики Василий Остафьев и Алексей Остафьев Филатьевы] просили меня, чтоб я написал какую книгу полезную и дал напечатати сколико тысящей, а они обещались поплатить. И я, написав зело полезную книгу цифирную с притчами, дал напечатать книг 3350. А они меня и в том прельстили и книг не хотели взять, а мне убыток великий соделали. Егда же нарочитии людии здешние начаша обличати их и поносить им, хуля хитростную и лестную их кову, тогда видя, Михайло Иванов, старейший прикащик, хотел взять книги и поплатить, но Ивашка Федоров никакими мерами не хотяше, сказывая, что он к Архангельскому городу не поедет, а в иную землю послан, а к городу и забирался и поехал. И тако, по со-

### Первый опыт заграничного обучения

Обратимся к более высоким формам образования – выходящим за рамки элементарного обучения. Еще Царь Борис Федорович Годунов чувствовал и понимал образовательную отсталость страны. Он пошел по тому же пути, на который через столетие вступит Петр I. Его замыслы подтверждает Мартин Бер. «Желая со временем видеть своих подданных образованными, – пишет он, – Борис предложил государственному совету вызвать просвещенных людей из Германии, Италии, Испании, Франции, Англии и для изучения разных языков учредить школы<sup>1</sup>; но попы и монахи противились такому намерению, объявив, что в России, не взирая на обширное пространство ее, доселе господствовало единоверие, единоправие; если же настанет разноязычие, поселится раздор и прежнее согласие исчезнет. Борис оставил свое намерение; однако ж послал в чужие земли, для образования, 18 молодых дворян: 6 в Любек, 6 во Францию и 6 в Англию. Они скоро выучились языкам иностранным; но только один возвратился в Россию»<sup>2</sup>. Из этого отрывка можно сделать вывод, что языковую подготовку Борис ставил во главу угла – несомненно, он (весьма справедливо) считал ее ключевой для сближения с интеллектуальной жизнью Запада. Именно это его стремление и натолкнулось на сопротивление духовенства. Молодые люди должны были ознакомиться с иностранными языками для дальнейшей службы в Посольском приказе. Сообщение Бера грешит неточностью: в Любек отправились пять человек, а в Англию – только четверо (о тех, кто был отправлен во Францию, мы ничего не знаем)<sup>3</sup>. В 1603 г. в Москву прибыло Ганзейское посольство. На обратной дороге – когда до Новгорода оставался день пути – послам было вручено царское письмо со сведениями о пяти молодых дворянах и «с милостивым поручением взять их с собой в Любек, представить городскому совету и поместить в школу для обучения языкам немецкому, латинскому и дру-

вету Ивана Андреева Тессинга и Ивана Иевлева Молодого, послал я книги те к Москве к Логвину Логвинову» // *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Исследование П. Пекарского. Т. I. СПб., 1862. Введение в историю просвещения России XVIII столетия. С. 526–527.

<sup>1</sup> «Борис намеревался основать не одни только школы, но и университеты, как видно из письма немецкого ученого Товии Лонциуса от 24 января 1601 года. (*Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. XI, примеч. 125). Что сказать после этого в похвалу Борису? Мысль его привели в исполнение чрез полтора года» (Примеч. Н.Г. Устрялова). Это письмо опубликовано у кн. Н.В. Голицына (см. ниже). В частности, мы читаем в нем: «И когда он (Ганс Крамер. – *А.Л.*) всесторонне узнал о моем положении, то стал прилагать много старания и просьб, чтобы побудить меня отправиться в страну вашего величества, так как ваше величество не только требовали одних ученых людей, но и сами имели желание и намерение учредить в своем государстве школы и университеты. При этом он особенно заботился о том, чтобы я исполнил волю и указания вашего величества, – достал здесь разных ученых и опытных людей и художников, потому что я знаю здешние и тамошние места; и он не сомневался насчет того, будет ли мое прибытие угодно вашему величеству. Первым плодом этого достохвального намерения вашего величества без сомнения будет то, что вы в целом свете обессмертите свое имя истинного отца отечества...» (с. 23). Кн. Голицын не считает возможным воспринимать дословно желание завести университет – он воспринимает письмо как доказательство того, что на Западе знали о просветительских планах Бориса и старались им содействовать (с. 23).

<sup>2</sup> *Бер Мартин.* Летопись Московская, с 1584 года по 1612 // В подготовленном Николаем Герасимовичем Устряловым сборнике: Сказания современников о Димитрии Самозванце. 3-е изд., испр. Часть первая. Бер, Паерле, Маржерет и Де-Ту. СПб., 1859. С. 18.

<sup>3</sup> *Князь Н.В. Голицын.* Научно-образовательные сношения России с Западом в начале XVII века. М.: Университетская Типография, Страстной бульвар, 1898. С. 4. В дальнейшем мы основываемся на данной работе. См. также статью А.В. Арсеньева «Первые русские студенты за границей» (Исторический вестник. 1881. Июль. С. 544–555).



гим» (с. 5), а затем отослать обратно в Россию. В письме Царь требовал, чтобы юношам дана была возможность свободно исповедовать свою веру и соблюдать все ее предписания; расходы он брал на себя. Послы обещали в точности исполнить поручение. 30 октября магистраты Любека известили Бориса Годунова о благополучном прибытии студентов. 9 сентября 1609 г. бургомистры и ратманы Любека писали уже новому Царю, Василию Шуйскому: «И мы его царского величества повеление творили, и тех робят давали учить, поили и кормили и одежду давали и чинили им понашему возможению все добро. А оне не послушливы и поучения не слушали, и ныне двое робят от нас побежали неведомо за што. Того для бьем челом вашему царскому величеству, чтобы ваше царское величество пожаловали милостивно, о том отписали, ещоли их нам у себя держати по прежнему или их к себе велите прислать» (с. 6). Царь отвечал: «И они б их велели сыскать и велели им доучиватись. А буде те робята учнут проситца у них в наше государство, и они б их не выучане отпускали, а как выучат накрепко грамоте и языку, и они б их прислали к нашему царскому величеству» (с. 6–7). Князь Николай Владимирович Голицын полагает, что некто Дмитрий, служивший переводчиком при шведском генерале Делагарди и упомянутый в хронике Бера как единственный вернувшийся на родину, был одним из этих студентов. О дальнейшей судьбе этих пяти дворян ничего не известно.

Из четырех юношей, посланных в Англию, тоже никто не вернулся. Доверенным лицом правительства и их воспитателем стал Джон Мерик (как его звали в России – Иван Ульянов Мерик). В 1602 г. ему были отданы на попечение четверо молодых людей, известных поименно, – дети боярские Микифорко Олферьев сын Григорьев, Софонко Михайлов сын Кожухов, Казаринко Давыдов и Федька Костомаров. 30 июля они отплыли из Архангельского порта на английских судах «для науки розных языков и грамотам». Молодых людей следовало поместить «в различные учебные заведения, как-то: Винчестер, Итон, Кэмбридж и Оксфорд» (с. 8). Смута заставила забыть о них; и только восстановив дипломатические отношения с западными странами, новое правительство вспомнило о студентах и попыталось их вернуть. Несколько посольств не достигли цели; из четырех студентов только один, Никифор Григорьев, оставался в Англии; переменяв веру, он не желал и боялся возвращаться на родину. Попытки вернуть его тянулись с 1613 по 1622 г. Стороны не могли уладить недоразумение из-за того, что следовали железной логике, которую понимали по-разному. Русские послы не допускали и мысли о том, что Григорьев отрекся от православной веры добровольно. Англичане категорически отрицали свое принуждение с этой стороны и заявляли, что против воли они не могут заставить Никифора Григорьева вернуться на родину. По злой иронии он – пастор англиканской церкви – пострадал за новую свою веру от рук англичан: его преследовали и лишили сана во время пуританского движения в 1643 г. (с. 17). Предпринимались и другие попытки: в Англию – а именно в Кембридж – с тем же Джоном Мериком был отправлен сын переводчика Посольского приказа Иван Иванов Алманzenов. Тон дипломатической переписки о нем совершенно другой: Карл I выполнил все пожелания русского правительства. Однако сведениями о судьбе студента мы опять-таки не располагаем.

При Борисе Годунове в Москве появились и первые «немецкие» школы для живущих в столице иностранцев. При Иване Грозном возникла Немецкая слобода; в ней он поселил ливонских пленных<sup>1</sup>. Борис Федорович дал разрешение на постройку лютеранской церкви, и община завела при ней училище.

<sup>1</sup> Цветаев Д.В. Первые немецкие школы и основание придворного немецко-русского театра. Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1889 (оттиск из «Варшавских университетских известий» того же года).

В 1601 г. для преподавания в ней из-за границы были приглашены пастор Вальдемар Гуллеман из Вестфалии и студент Мартин Бер из Нейштадта. Скоро они организовали в кирке небольшой хор в 6–8 голосов. Учеников, впрочем, было больше. Дмитрий Владимирович Цветаев считает, что школа не пережила Смутного времени. В 1621 г. в ней уже шли занятия, носившие прежний, церковно-приходской, а не гимназический характер. В первой половине 60-х гг. XVII в. иноземцы были выселены за город в Новую Иноземскую или в Ново-Немецкую слободу. Один из преподавателей – Иван Готфрид Грегори<sup>1</sup>, сын мерзбургского пастора и пасынок известного доктора Лаврентия Блюментроста, – в 1668 г. сообщает, что, переселившись в Россию лет за девять до этого, он «учинился у кирки Балсыря Петрова (т.е. Валтасара Фадермехта) школьным мастером». «Школьным мастером» он пробыл около двух лет, пока ему не предложили место пастора в выстроенной недавно Офицерской церкви. Своим появлением эта церковь обязана разделению общины: за военной частью закрепилось название Новой, или Офицерской, а прежнюю стали звать Старой, или Купеческой. В 1667 г. Грегори предпринял путешествие в Германию для сбора пожертвований. Известный своим благочестием герцог Саксен-Готский Эрнест, дав Грегори 200 талеров, сказал: «Если вы не обучите юношество христианству, то все христианское у вас потеряно. Подумайте, как трудно потом уверить старого человека в вечном благе, которого он никогда не видал и о котором в юности никогда не слышал!».

Постепенно школа приобретает влияние. Специально для помощи Грегори был приглашен Герард Линау, ректор нарвской школы. Благодаря поддержке герцога Эрнеста школа стала бесплатной: туда принимали даже служанок, крепостных, пленных и купленных турок и татар и учили Закону Божию, немецкому языку и латыни, счету, письму и музыке. Изучался здесь и изданный в Стокгольме в 1626 г. на русском языке лютеранский катехизис. Русское правительство возложило на школу курьезное поручение – ей необходимо было послужить к учреждению первого придворного театра, за что она получила помощь в затруднительный период своего существования: «иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедию, а на комедии действовать из библии книгу Эсфирь и для того действия устроить хоромину вновь». Представление состоялось 17 октября 1672 г. и понравилось Государю, что обеспечило материальное положение училища. Ученики ездили то в Кремль, то в Преображенский дворец. Впрочем, смерть Царя Алексея Михайловича и опала Матвеева положили конец театральным действиям.

В ноябре 1678 г. Царь Федор Алексеевич отправил двух русских учеников из Аптекарского приказа для обучения «латинскому и цесарскому языкам», чтобы впоследствии они смогли постичь «аптекарское и алхимистское дело». Просьба руководителя школы Ягана Понциуса о жалованье по рублю в месяц за человека была удовлетворена, но при этом дан был строгий наказ: «А учить ему тех учеников со великим прилежанием и радением; и буде они станут лениться или ослушаться, учинить им наказание, как в школах, по вине смотря; выуча, объявить их в Аптекарском приказе, князьям Одоевским и дьяку Андрею Виниусу»<sup>2</sup>. Д.В. Цветаев не без иронии замечает: «Алексей Михайлович, любивший развлеченья, посылал в Немецкую школу русских мальчиков обучиться театральной потехе; его болезненный сын Феодор пробует обучить их там уже

<sup>1</sup> См. о нем: Иоганн-Готфрид Грегори, пастор Московской Немецкой слободы (1658–1680) // Исторический вестник. Т. 21. 1885. С. 596 сл. Без подписи, с оценкой: «умный, опытный педагог, опередивший свой век».

<sup>2</sup> Цветаев Д.В. С. 23, со ссылкой: Материалы для истории медицины в России. СПб., 1885, IV, № 1450.

иностранным языкам, необходимым для медицины» (с. 23–24). Дальнейшая история лютеранской школы плавно перетекает в историю гимназии Глюка – об этом см. главу III.

Интересно, что юноша из русской аристократии – Алексей Саввич Романчуков, дьяк, сын дьяка Посольского приказа – увлекся латынью и математикой. Он был назначен посланником в Персию и путешествовал в составе голштинской миссии. Адам Олеарий, ее секретарь, отмечал, что Алексей Саввич «против обыкновения русских имел большую охоту к свободным искусствам, особенно же к некоторым математическим наукам и к латинскому языку... в продолжение пяти месяцев сделал такие успехи в латинском языке, что мог передавать на нем, хотя не совсем удовлетворительно, свои задушевные мысли»<sup>1</sup>.

### На пути к высшей школе

Мысль о создании греко-славянской школы возникает у русского правительства еще в 1630-х гг.<sup>2</sup> В 1632 г. Михаил Федорович и Патриарх Филарет обратились к Патриарху Кириллу Лукарису с просьбой прислать преподавателя. Не успела она достичь Константинополя, как в Москву прибыл учитель – иеромонах Иосиф. Сразу же по приезде он получил царское жалованье и указ «великому протосингелу александрейскому Иосифу... переводити... греческие книги на словенской язык и учити на учителном дворе малых ребят греческого языка и грамоте» (с. 12). К тому моменту он пользовался полным доверием русского правительства и – благодаря своему славянскому происхождению (с. 12–14) – считался человеком, вполне способным общаться с москвичами без переводчика. Впрочем, сведений о его преподавательской деятельности нет; исследователь не исключает, что таковой вообще не велось. Программа просвещения России, предусматривавшая приглашение учителей, собрание библиотеки и обустройство высшей школы и типографии, была разработана не русским правительством или церковью, – ее предложил палеопатрасский митрополит Феофан, приехавший в 1645 г. с просьбой о денежном вспоможении. Он провел в русской столице пять месяцев, застав кончину Михаила Федоровича и восшествие на престол Алексея Михайловича. 7 сентября он был на отпуске у нового царя (с. 19). Челобитная с изложением просветительской программы была передана в Посольский приказ 25 июня или непосредственно накануне. Митрополит предложил русскому Царю, в котором он видел правителя лишенных своего государства греков, создать типографию для печати на греческом языке с русским переводом важнейших сочинений христианской Церкви, в первую очередь – трудов Святых Отцов, издаваемых на Западе в намеренно искаженном виде. Без школьной подготовки такой проект был неисполним, поэтому создание школы Феофан считал обязательным. Ученики под руководством греческих дидаскалов изучали бы греческий и русский языки, философию и богословие (то есть две верхние дисциплины иезуитского цикла). Борис Львович Фонкич подчеркивает: «Идея составления такой программы исходила вовсе не из анализа *русской* ситуации; побудительной причиной появления записки митрополита Феофана являлось бедственное положение *греческой* церкви, *греческого* народа, лишенного под турецким владычеством возможности иметь собственные школы, собственные типографии и с помощью своих изданий противостоять на Православном Востоке давлению католической и протестантской церквей» (с. 20). Отметим, что собственно «педагогическая» часть записки очень лаконична: «да повелиши быть греческой печати и приехати греческому учителю учить русских детей философия и богословия греческому языку

<sup>1</sup> Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 3. СПб., 1998. С. 315–316.

<sup>2</sup> Данный раздел основан на: *Фонкич Б.Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М.: Языки славянских культур, 2009.

и по рускому» (с. 25). Очевидно, образовательная сторона для авторов концепции – а Феофан представлял воззрения высшего константинопольского духовенства – является необходимым, но второстепенным условием для главного, издательского проекта. Они не задумывались над значением этого плана для русской жизни. Правительство отклонило документ. Б.Л. Фонкич считает, что фактически в нем и была сформулирована программа, которую Россия осуществляла вплоть до начала XVIII в. Должно быть, открывать училище для потребностей греческого мира в России, не имевшей устроенных должным образом школ, показалось ненужным. Однако русские власти внимательно отнеслись к проекту, намереваясь обратить его на пользу собственному культурному развитию. Впрочем, работа в этом направлении так и не продвинулась (с. 38).

Киевский митрополит Петр Могила еще в 1640 г. обращался к Михаилу Федоровичу с предложением построить в Москве на царские средства монастырь: «Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичю... смиренный отец митрополит Киевский Петр, паче всех прошений своих, изряднее бьет челом <...> пожалуй, благочестивый царь, и повели в царствующем своем граде благодатию и казною своею царскою монастырь соорудить, в котором бы старцы и братия общежителного Киевского Братского монастыря живучи, о твоём царском величестве и о благоверной царице твоей и о Боге дарованных царских чадах величества твоего безпрестанно Бога молили и детей боярских и простого чину грамоте Греческой и Словянской учили. Дело то Богу угодно будет и твоему царскому величеству честно, и во всех странах преславно. И нынешний Волоский воевода добре позна, какова мзда от Бога Вседержителя для воздвиженья училищ от благоговейных и православных училищ бывает, а в Полском государстве преславный пожиток детем боярским родится, и для того коликокротким писанием своим молил смиренного отца митрополита Киевского, чтоб ему послал благообразных иноков и добре ученых учителей, что и получил. Аще возможно и величеству твоему в сем прошении отца митрополита Киевского пожаловати благодатно <...> твою государскую волю вскоре исполнит и старцов соучителми пришлет»<sup>1</sup>. Но только в 1648 г. Алексей Михайлович грамотой на имя черниговского епископа Зосимы просил прислать «для справки библии греческие на словенскую речь на время» учителей иеромонахов Кирилла Замойского, Арсения Сатановского и Дамаскина Птицкого. Не дождавшись ответа, Царь 14 мая 1649 г. обращается непосредственно к самому Киевскому митрополиту Сильвестру Косову, называя уже не трех, а двух ученых монахов – Арсения и Дамаскина: «Ведомо нам Великому Государю, Нашему Царскому Величеству учинилося, что учителя священно-иноки Арсений, да Дамаскин Птицкий Божественного писания ведущи и Еллинскому языку навычны, и с Еллинского языка на Славенскую речь перевести умеют, и Латинскую речь достаточно знают, а Н. Ц. В. такие люди годны, и Мы Великий Государь, Н. Ц. В., велели о тех учителях послати... грамоту к Зосиме, Епископу Черниговскому, потому что тебя Митрополита в то время в Киеве не было; а ныне Мы... велели о том к тебе послати... грамоту: и вам бы Митрополиту Нам Великому Государю послужить и Нашего Царского жалованья к себе поискать, и тех учителей приговорити и прислати к Нам... для справки Библии Греческия на Славянскую речь... а на Москве, у Н. Ц. В., побыти им вольно, по их воле и хотению...» (ПСЗ 7).

Отметим два момента: 1) среди достоинств монахов, о которых идет речь, отмечается и знание латинского языка, и 2) хотя они называются «учителями»<sup>2</sup>,

<sup>1</sup> Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. III. 1638–1657. № 33. СПб., 1861 (обл. 1862). С. 39.

<sup>2</sup> Слово употребляется в церковном, а не в школьном значении; мы с этим еще столкнемся.

преподавание в их обязанности не входит: интерес у правительства другой. Игумен Братского монастыря Иннокентий Гизель писал Алексею Михайловичу: «... Неисчетная благодетельства, от великодаровитыя пресветлаго царского вашего величества десницы неоскудно подаемая, всему миру явственна суть, ими же святыя обители благочестивыя неточию в своем великом государстве, но по всей Греческой земли и нашей Малой России сущия, обилно жаловати Ц. В. В. обыче; якового царского жалованья мы убо смиреннии иноцы <...> доселе не сподобихомся, но ниже дерзахом Ц. В. В. стужати: имеяхом бо до сего времени нашего богата благодетеля, во блаженной памяти скончавшагося Петра Могилу, всея Руси малыя митрополита, иже благословением святейшаго патриарха Иерусалимского, zde прежде бывшаго кир-Феофана, благочестивыя училища, при храме zde здатися начатыя в наказание благочестивых отроков и умножение благочестия, своим иждивением соверши, Словенского и Греческого языка, таже и Латынского, яко zde между латынами живущим, ко ухищрению прелести иноверных зело благопотребного учения сооружи и умножи; яже училища и ныне бывый у нас святейший патриарх Иерусалимский кир-Паисей, своим патриаршескаго благословения начертанием похвалив, утверди, нас смиренных иноков тот же Петр Могила, митрополит Киевский, на дело такового учения избрав, в сей святой обители жити устрои. Егда же Бог вышереченного нашего пастыря от сего жития престаши, оскуде благодатная нам благодетеля нашего десница и мы сиры остахом; бежом же мало нечто еще благородных и благочестивых человек милостынею нам даваемою помогаем; егда же и тии в нынешней междуусобной брани инии избиени, друзии без вести оскудеша, и мы, яже имеяхом данная, иждихом, ниоткуда помощи имуще, ни надеящися. Царское ваше величество, яко всех общаго благодетеля, в прибежище нам приобрести умыслихом, ничтоже сомнящися, яко и мы жалованья пресветлаго царского вашего величества, инем обилно истекающаго, спричастницы будем, и убо по желанию нашему приличное время обретаем, егда царское ваше величество от нашего собора учителей себе на богоугодную службу призывает; тем же мы, ихже царское ваше величество потребова, учителей от нас избравше священноинока Арсения и священноинока Епифания, в служение царскому вашему величеству, в неже повелит, посылаем, в немже Господь да поспешит; с ними же и священноинока Феодосия (старец Феодосий Васильевич Баевский. – *Ф.И. Титов*<sup>1</sup>), учителя и проповедника слова Божия, к царскому вашему величеству посылаем; ему же паки вскоре к нам возвратится повелехом <...>»<sup>2</sup>. Посредником в деле приезда киевских иноков в Москву Ф.И. Титов считает боярского сына Порфирия Трофимовича Семенникова (он же Зеркальников), который сам учился в коллегии. 12 июля трое старцев Богоявленского монастыря – Феодосий, Арсений и Епифаний (Славинецкий) – прибыли в Москву. Правительство не забыло о своем желании пригласить на службу и Дамаскина Птицкого: в конце 1650 г. он также оказывается в русской столице. В одном из документов говорится, что Епифаний прибыл «для переводу з библии греческие на словенскую речь и для риторского учения» (Б.Л. Фонкич, с. 44). Однако никакой школы Епифаний, по-видимому, не завел. Впрочем, о преподавательской деятельности свидетельствует наличие у него учеников, первым из которых был, по-видимому, боярин Федор Михайлович Ртищев (1626–1673), а самым знаменитым – Евфимий Чудовский. Это скорее всего было общение с учителем небольшого круга слушателей, не имевшее формы регулярных занятий<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См: Кн. I. С. 158.

<sup>2</sup> 8 июня 1649 г. Акты, относящиеся к истории... Т. 3. № 259. С. 323–324. Грамота важна для истории Киево-братской коллегии.

<sup>3</sup> О «протесте против новой науки» см. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. III. Лекция LIV // *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. Т. III. М.: Мысль, 1988. С. 265–267.



Еще одна – возможно, сулившая успех – попытка организовать греческое училище была связана с приездом в Москву в 1652 г. митрополита Навпакта и Арты Гавриила Власия. Рекомендательная грамота Паисия Иерусалимского, которую он вез среди прочих, напоминала Алексею Михайловичу о поручении «радети и обрести единого учителя премудрого и православного, и не имел бы никакова пороку во благочестивой вере и был бы далече от еретиков, и послати б нам ево ко святому вашему царствию поклониться, да учинит учительство и учит еллинский язык» (с. 60). Но образовательные вопросы потеряли свою актуальность после того, как Гавриил Власий оказался вовлечен в отношения Москвы и Богдана Хмельницкого. Вопросы об училищах и общих проектах Греческой и Русской церкви, для обсуждения которых он прибыл, даже не поднимались.

Немного известно о педагогической деятельности Арсения Грека. Он прибыл в Москву в 1649 г. в свите иерусалимского Патриарха Паисия и – как владевший славянским языком – был оставлен в Москве учителем риторики. Он начал обучать латинскому языку Степана Олябьева и, вероятно, Федосейку Евтихеева (с. 63). Но в скором времени была получена грамота того же Паисия об измене Арсения православию. Приговоренный к ссылке Арсений три года провел в Соловецком монастыре. Вернувшись в Москву в 1652 г., он стал помощником Патриарха Никона и – при его поддержке – возобновил преподавание. Об этом упоминает Адам Олеарий. Приведем его свидетельство: «Впрочем, в настоящее время к немалому удивлению надо заметить, что по распоряжениям Патриарха и Великого Князя Русское юношество начинают обучать Греческому и Латинскому языкам. Для этого, близ Патриаршего двора, учреждена уже Латинская и Греческая школа, которой заведывает и управляет один Грек, по имени Арсений (Arsenius). Если б это начало имело такой счастливый успех, что Русские могли бы читать писания Святых Отцев и других учителей Церкви на собственном языке этих писателей, то можно было бы надеяться, что с Божией помощью, в пониманий Веры своей они пришли бы к более чистым воззрениям. Чтобы учиться, у Русских в добрых головах недостатка нет»<sup>1</sup>. К апрелю 1653 г., как пишет Б.Л. Фонкич (с. 64), относится запись в расходной книге Патриаршего Казенного приказа о покупке «5 стоп бумаги книжной доброй, которой взято на Борисовский двор гречанину старцу Арсению для училища детям». Исследователь полагает: то, что Арсений среди книг, привезенных с Афона, отобрал для себя грамматику, возможно, доказывает его педагогическую деятельность еще в 1655 г. (с. 65). Не слишком надежные свидетельства! Но в 1662 г. Арсения вновь отправляют в изгнание на Соловки, так что и эта попытка учительствовать заканчивается почти ничем.

Осуждение старообрядчества на Большом Московском соборе 1666–1667 гг. заставило всерьез задуматься о корне раскола. Александрийский Патриарх Паисий, Антиохийский – Макарий, Паисий Лигарид, Симеон Полоцкий приходят к заключению, что одна из важнейших его причин – отсутствие систематического образования. Симеон Полоцкий сам хлопотал об открытии Славяно-греко-латинского училища при церкви Иоанна Богослова в Бронной слободе. По первоначальному замыслу грамота, благословлявшая открытие училища, должна была быть написана от лица трех Патриархов: Паисия – Александрийского, Макария – Антиохийского и Иоасафа – Московского (с. 73). По неизвестным причинам под ней подписались лишь Паисий и Макарий; от Иоасафа должна была последовать отдельная грамота. В учебных планах учи-

<sup>1</sup> Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. Перевел с немецкого Павел Барсов. Издание Императорского Общества Истории и Древностей российских при Московском университете. М., 1870. С. 310.



лица Б.Л. Фонкич предлагает видеть «не исходившую от глав восточных и русской церковью программу создания в Москве определенной средней или высшей школы... но предлагавшийся Симеоном Полоцким и прихожанами храма Иоанна Богослова в основных чертах план создания в русской столице школы при одной из церквей Бронной слободы. Ясно, что в училище должны были бы преподавать славянский, греческий и латинский языки» (с. 81)<sup>1</sup>. По мнению большинства исследователей – в том числе самого Б.Л. Фонкича, – училище, по-видимому, так и осталось проектом. В нем принимал живое участие такой видный деятель, как Симеон Полоцкий, так что вряд ли существование училища не оставило бы следов. Отметим, что некоторые исследователи (например, Д.И. Извеков<sup>2</sup>) считают челобитные прихожан об открытии училища доказательством самодетельного пробуждения в русском обществе интереса к образованию. Чтобы эта мысль получила право на существование, таких прецедентов должно было быть гораздо больше, и дело хотя бы в некоторых случаях должно обходиться без участия столь значительных фигур, как Симеон Полоцкий.

Еще одну несостоявшуюся попытку начать преподавание греческого в Москве можно расценивать как курьез. Некий архимандрит Симеон в 1657 г. отправил из Путивля, где был задержан по дороге в Москву, грамоту, в которой предлагал Царю учить московских детей греческому языку. Б.Л. Фонкич с иронией замечает: «Можно лишь порадоваться, что архимандрит Симеон не стал учителем в России: его послание царю написано настолько безграмотно... В 50-х гг. XVII в. в Москве – при царском и патриаршем дворах, в Посольском приказе<sup>3</sup>, на Печатном дворе – было достаточно „экспертов“ среди образованных греков или русских знатоков греческого языка, которые могли оценить уровень такого потенциального учителя» (с. 94). Единственной более-менее удавшейся попыткой Б.Л. Фонкич считает школу церковного пения Мелетия Грека, возникшую не позже 1657 г. и, возможно, существовавшую до конца 70-х – начала 80-х годов. Иеродиакон Мелетий «учит греческому пению диаков певчих и подьяков», в соответствии с требованиями реформы Никона (с. 99). Школа действовала с перерывами, поскольку поручения русского правительства время от времени

<sup>1</sup> В челобитной некоего мужа Патриархам Паисию и Макарию: «вашего святительства да будет о сем благословение и грамотное утверждение, еже во приходе храма училищам и учению греческого и словенского, аще же возможно будет, и латинского языков безвозбранно быти» (с. 91). Ответ Паисия и Макария на челобитную: «всерадостно даем наше архиерейское благословение на сие достохвальное дело, еже есть на созидание училищ и в них устроение учения по закону святых православной кафолическия церкви, во славу божию, различными диалекты, греческим, словесным и латынским, при храме имярек, да отныне во вся последующия веки свободно будет сие святое дело совершати. А хотящим сему божественному делу препинание или пакость творити сама всемогущая десница божия местница в сем и в будущем веке да будет и гнев господень да поженет и во вся дни живота его, дондеже разсыпаться костем его при аде» (с. 92). Вот проект, как полагает Фонкич, ответа патриарха Иоасафа: «Мы убо, разсудивше благолепное и церкви божию полезное и душу верных спасенное прошения его дело быти, соизволихом и благословение дахом, да трудолюбивии спудеи радуются о свободе взыскания и свободных учений мудрости и собираются во общее гимнасион ради изощрения разумов от благоискусных дидаскалов в писаниих божественных при храме имярек» (с. 93).

<sup>2</sup> «Это благое „начинание“, исходящее от самого общества и красноречиво говорящее о пробуждении дремлющего общественного самосознания» // Букварная система обучения. С. 726.

<sup>3</sup> Отметим, что штат Посольского приказа – в более позднее время, именно в 1690 г., – был невелик: 15 переводчиков («на Москве и с теми, которые живут в порубежных городех»), 25 подьячих «старья и средня статьи», 3 золотописца и 15 толмачей // ПСЗ 1392. Чтобы обслужить его потребности, образовательная система может работать с производительностью 2–3 человека в год.

вынуждали Мелетия покидать Москву. Труд его ценился высоко: в 1676 г. кормовые деньги заменяют ему на громадное жалованье в 300 рублей в год. Такую же сумму он получал и «в прошлых годах» (годовой оклад первого справщика печатного двора – 60 рублей, с. 100).

Таким образом, анализ Б.Л. Фонкича фактически подтверждает вывод, сделанный еще П.Ф. Каптеревым (О греко-латинских школах..., с. 42): о регулярной школьной деятельности в Москве до создания Типографской школы говорить не приходится. Правление Михаила Федоровича и Алексея Михайловича прошло для русского образования бесплодно. Для того чтобы забота о просвещении была проявлена серьезно, теоретически возможны два стимула: внешний – осознание научно-технической отсталости от стран Западной Европы, и внутренний – кризис древнего начетничества. О первом свидетельствует политика «западника» Царя Бориса Федоровича; в деятельности первых двух представителей династии Романовых мы не встречаем даже намека на такой ход мысли. Но даже второй, подтолкнувший к размышлениям, не ведет к немедленной реакции: образовательная политика не является для правительства приоритетной, внешнего же давления, которое заставило бы действовать более энергично, нет. Таким образом, понимание того, что в образовании есть пробелы, не превращается в их искоренение.

## Книга II

### Из Главы VI. От воцарения Екатерины II до смерти Павла I

#### **Образовательные запросы русского общества 60-х гг. XVIII в. по материалам «Комиссии для сочинения проекта нового Уложения»**

Изучение язв и неурядиц русской жизни, которым занималась Екатерина Алексеевна, еще будучи Великой княгиней и в первые годы своего царствования, не могло не открыть ей масштаб и вредоносный характер того хаоса, который царил в русском законодательстве. И Петр, и Елизавета пытались кодифицировать русское право, но им это не удалось. Их неудача, впрочем, не отпугнула Екатерину, и она решила придать законодательному творчеству максимально широкий «общественный» характер; для того было решено создать выбранную сословиями и присутственными местами Комиссию, которая разработала бы проект нового кодекса; для руководства был составлен «Наказ» (в отличие от депутатских – так называемый «Большой Наказ»), над которым Императрица с увлечением работала с начала 1765 г.<sup>1</sup> Из проекта ничего не вышло; но информацию о нуждах, потребностях и умонастроениях населения власти получили обильную и – полагаем – весьма достоверную. Сама Екатерина признавалась: «Комиссия Уложения, быв в собрании, подала мне свет и сведения о всей империи, с кем дело имеем и о ком пещись должны»<sup>2</sup>. Мы не будем подробно останавливаться на общем значении

<sup>1</sup> Фридрих II писал Екатерине, давая отзыв на «Большой Наказ»: «Прекрасные законы, составленные по правилам, начертанным вами, нуждаются в законооведах, чтобы быть приведенными в исполнение в вашем обширном государстве; и я думаю, государыня, что после блага, какое вы оказали законодательству, вам остается совершить еще одно – это основать академию прав, чтобы образовывать там людей, предназначенных на судебные места, как судей, так и адвокатов», 26.11.1767 (Переписка между Екатериной II и Фридрихом II // Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. 20. СПб., 1877. С. 239–240).

<sup>2</sup> РА. 1865. № 4. С. 444.

«Наказа» и его характеристике<sup>1</sup>, равным образом как и на ходе работ Комиссии, так как эти вопросы хорошо изучены. Нас интересуют материалы Комиссии как срез общественного мнения, позволяющий достоверно судить о том, как русское общество той эпохи смотрело на образовательную проблематику.

Глава XIV «Большого Наказа», которая важна для нас, невелика. Мы приведем ее полностью:

347. О воспитании.

348. Правила воспитания суть первые основания, приуготовляющие нас быть гражданами.

349. Каждая особенная семья должна быть управляема по примеру большой семьи, включающей в себе все частные.

350. Невозможно дать общего воспитания многочисленному народу, и вскормить всех детей в нарочно для того учрежденных домах. И для того полезно будет установить несколько общих правил могущих служить вместо совета всем родителям.

1. 351. Всякий обязан учить детей своих страха Божия как начала всякого целомудрия, и вселять в них все те должности, которых Бог от нас требует в десятословии своем, и православная наша восточная греческая вера во правилах и прочих своих преданиях.

352. Также вперяти в них любовь к отечеству, и повадить их иметь почтение к установленным гражданским законам, и почитать правительства своего отечества, как пекущиеся по воле Божией о благе их на земли.

2. 353. Всякий родитель должен воздерживаться при детях своих не только от дел, но и от слов клонящихся к неправосудию и насильству, как то: брани, клятвы, драк, всякой жестокости и тому подобных поступков; и не позволять и тем, которые окружают детей его, давать им такие дурные примеры.

3. 354. Он запретить должен детям и тем, кои около них ходят, чтоб не глагали, ниже в шутку; ибо ложь изо всех вреднейший есть порок.

355. Мы присовокупим здесь для наставления всякому особо человеку то, что уже напечатано, как служащее общим правилом, от НАС уже установленным и еще устанавливаемым для воспитания училищам и всему обществу.

356. Должно вселять в юношество страх Божий, утверждать сердце их в похвальных склонностях, и приучать их к основательным и приличествующим состоянию их правилам; возбуждать в них охоту ко трудолюбию, и чтоб они страшилися праздности, как источника всякого зла и заблуждения; научать пристойному в делах их и разговорах поведению, учтивости, благопристойности, соболезнованию о бедных, несчастливых, и отвращению ото всяких продерзостей; обучать их домостроительству во всех одного подробностях, и сколько в оном есть полезного; отвращать их от мотовства; особливо же вкоренять в них собственную склонность к опрятности и чистоте, как на самих себе, так и на принадлежащих к ним; одним словом, всем тем добродетелям и качествам, кои принадлежат к доброму воспитанию, которыми во свое время могут они быть прямыми гражданами, полезными общества членами, и служить оному украшением»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Из воспитательной главы «Наказа» его классическое издание – Наказ Императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. Под редакцией Н.Д. Чечулина. СПб., 1907 (Памятники русского законодательства 1649–1832 гг., издаваемые Императорской Академией Наук). С. ССХХХ – называет Монтестькье образцом для статей 348–350; в таком случае этот раздел оказывается более самостоятельным, нежели многие другие.

<sup>2</sup> Наказ... под ред. Чечулина. С. 104–105. Последняя статья, как указано в примечаниях, есть извлечение из Высочайше утвержденного 22 марта 1764 г. доклада Бецкого «О воспитании юношества обоого пола» (ПСЗ 12.103).

Статья 158 предполагала включение элементарного юридического образования в начальное: «Законы должны быть писаны простым языком; и уложение все законы в себе содержащее, должно быти и книгою весьма употребительною, и которую бы за малую цену достать можно было на подобие букваря. В противном случае когда гражданин не может сам собою узнати следствий сопряженных с собственными своими делами и касающихся до его особы и вольности, то будет он зависеть от некоторого числа людей взявших к себе во хранение законы и толкующих оные. Преступления не столь часты будут, чем большее число людей уложение читать и разумети станут. И для того предписать надлежит, чтобы во всех школах учили детей грамоте попеременно из церковных книг и из тех книг, кои законодательство содержат»<sup>1</sup>.

Как видно, и без Монтескье здесь мало самостоятельного; упор – в традиции Локка – делается на воспитании, умственное развитие не затрагивается даже и в «просвещенческом» ключе. Чем на это ответили подданные?

Материалы комиссии<sup>2</sup> дают нам два рода документов, проясняющих этот вопрос. С одной стороны, это депутатские наказания; с другой – выступления депутатов на заседаниях Комиссии. Наказы составлялись следующим образом: избиратели, выбрав депутата, составляли из своей среды пятичленную комиссию<sup>3</sup>, которая три дня выслушивала заявления избирателей, а затем столько же времени сводила их в единый документ, который зачитывался всем избирателям и скреплялся их подписями<sup>4</sup>. Если этот порядок и нарушался (мы сталкиваемся с текстуальными

<sup>1</sup> Наказ... под ред. Чечулина. С. 42. Статья является переработкой гл. 5 трактата Беккариа «*Dei delitti e delle pene*»; но там идет речь о доступности законов, а не об элементарном юридическом образовании; интересно сравнить этот пассаж с тем местом в статье Е.Р. Дашковой «О смысле слова „воспитание“», где идет речь о воспитании «детей»; представление вполне фантастическое, но оно говорит о том, что окружение Императрицы видело в этом подходе древнюю традицию.

<sup>2</sup> Опубликованы в «Сборнике Императорского Русского Исторического общества»: Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Ч. I. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869 = СИРИО 4; ч. II, 1871 = СИРИО 8; ч. III, 1875 = СИРИО 14; ч. IV, 1881 = СИРИО 32; ч. V, 1882 = СИРИО 36; ч. VI, 1885 = СИРИО 43; ч. 7, 1889 = СИРИО 68; ч. VIII, 1894 = СИРИО 93; ч. IX, 1900 = СИРИО 107; ч. X, 1903 = СИРИО 115; ч. XI, 1907 = СИРИО 123; ч. XII, 1911 = СИРИО 134; ч. XIII, 1914 = СИРИО 144; ч. XIV, 1915 = СИРИО 147. Мы в дальнейшем будем ссылаться в этом разделе на данное издание, указывая только номер тома в рамках СИРИО и страницу. В цитатах, как правило, сохраняются номера пунктов; это показывает – с оговорками и лишь до определенной степени, разумеется, – место образовательной проблематики в ряду обсуждаемых вопросов. Д.В. Поленов, подготовивший первые три тома собрания, издавал дневные записки собрания в пересказе, модернизируя язык, заменяя краткие извлечения подлинными голосами, и т.д. (32, с. III). Впоследствии публикации становятся точнее. Впрочем, это относится к изложению депутатских позиций, а не к наказаниям.

<sup>3</sup> Наказ ярославского дворянства настолько стилистически яркое, что вряд ли мы можем сомневаться в авторстве (4, с. 302): «Наказ Ярославского уезда от благородного дворянства избранному господину депутату в Коммиссию о сочинении проекта нового Уложения, его сиятельству лейб-гвардии капитану князю Михайлу Михайловичу Щербатову. <...> 7) ...остается токмо сему же верному дворянству, припадая к стопам сей матери отечества, просить, да соблаговолено будет и в наказаниях отличить дворян от простых людей; мы разумеем чрез сие не за важные преступления бываемые; дабы как ныне прилежащее дворянство к воспитанию своих детей, не могли бы оные от излишней к ним строгости, каковая может случиться от не различия наказаний, лишиться знатных мыслей, которые чрез долгое время родители в них тщились вложить». В присутствии такого человека, как князь Щербатов, полагаем, далеко не всякий мог решиться взяться за перо.

<sup>4</sup> *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. V: Курс русской истории. Ч. V. М., 1989. С. 80. Отметим одну деталь. Ключевский пишет: «В депутатских наказах, городских и дворянских, рядом с местными нуждами и сословными претензиями стоят заявления об

совпадениями различных наказов, что свидетельствует о «циркуляции идей»), это никак не влияет на достоверность как поднятых в наказах вопросов, так и ответов на них, которые давали те или иные сословия. Скажем сразу, что школы и воспитание – далеко не самая главная проблема, волнующая население, и в большинстве наказов о них нет ни слова. Дворян куда больше заботят расплодившиеся разбойники и сословная монополия на владение крепостными, а купцов – военные посты, монополия на фабрики и торговлю и желание иметь крепостных хотя бы для домашних работ, поскольку вольнонаемному труду они (не без основания) не доверяют. В нашем дальнейшем повествовании это очень важный пункт: требования в интересующей нас области высказывало меньшинство, иногда незначительное. С одной стороны, это вызвано жгучим характером вопросов, которые волновали всех; с другой – все-таки свидетельствует о том, что толщу населения «воспитание» затронуло и заинтересовало еще недостаточно.

Некоторые громадные территории Империи и вовсе молчат. Не звучит образовательная тематика в наказах городов к востоку от Урала. На Севере общая картина иная: хотя в довольно обширном корпусе лаконичных наказов чернососных крестьян (в отличие от крепостных, они пользовались представительством) нет ни слова о школах<sup>1</sup>, документ архангелогородского мещанства содержит самую продуманную и развернутую образовательную программу. Приведем ее полностью (123, с. 447, 463–464, 480–481)<sup>2</sup>. От этих строк веет петровским духом:

отсутствии лекарей, аптек, больниц, богаделен, сиротских домов, хлебных казенных магазинов, банков, почтовых станций, школ – простейших средств благоустроенного гражданского общежития. Это уже не ответ на правительственный опрос обывателей об их нуждах, а обывательский запрос правительству о неисполнении им своих обязанностей. Петр I уже начинал заводить эти средства, но следовавшие за его смертью жалкие царствования не продолжили его начинаний и даже запустили и расстроили начатое. По этим заявлениям Россия представляется каким-то разоренным или не обжитым еще домом с одними голыми стенами и темными углами, с податными плательщиками и присутственными местами» (с. 94). Это не вполне соответствует действительности, хотя общее описание русской жизни и производит тяжелое впечатление. Образовательную проблематику мы рассматриваем подробно; что же касается медицинской — купеческие наказы полны жалоб на обременительность содержания в губернских и провинциальных городах за купеческий счет лекарей, от которых нет никакой пользы; купцы желали бы скорее упразднить те скудные медицинские средства, которые были, нежели создавать новые.

<sup>1</sup> Несмотря на то, что жизнь иногда прямо-таки подталкивала к таким требованиям и подсказывала, насколько лучше быть грамотным (123, с. 34): «Архангелогородскому провинциальному депутату от нас... Пяозерского присудствия крестьян, отягощения... 5. Притом-же хотя и в нуждах наших в 4-м пункте в колской канцелярии и написано о службах, что выбираются от нас в колскую воеводскую канцелярию в счетчики и в колский питейный двор в ларечные и целовальники, да не написано того, по сколку человек на год. А грамоте незнающему что напишут, знать неграмотному не можно, принужден взять, что дадут. Да того ради при сем объявляем: в счетчики выбираются через три года от нас один ларечный, в питейный двор чрез другие три года один-же, целовальников по два на каждый год. Да служить мы тем неспособны, языку мы карельского российского мало знаем, а иные нисколько не знают, да и грамоте единого человека умеющего нет. Того ради принуждены наймовать за счетчика или ларечного на год, за одного по шестидесяти рублей, иногда и более, за одного целовальника на год по одиннадцати рублей, в том великое отягощение».

<sup>2</sup> Кроме архангелогородского мещанства, лишь вологодское во всей громадной губернии затронуло образовательную тематику (123, с. 431): «Наказ от жителей города Вологды ... купцу Андрею Сергееву сыну Блазнову. 11. Бедных купеческих малолетних сирот, оставших без родителей, родства и опекунов не имеющих, а особливо мужского пола, дабы сообразовано было дозволить по общему магистрата с купечеством рассмотрению, по благопристойности, кто к чему будет и способен, обучать, хоша и не по их желанию, но по истинному об их испощению, кто к чему способен рассмотрению, на



*Наказ от жителей города Архангельска...  
господину Николаю Свешникову, купцу архангелогородскому*

5. ...не токмо учреждения училищ наставляющих юношество гражданскому искусству и благонравию, но и малых школ для учения грамоте и Закону Божию для бедных детей на общем содержании иметь мы не в состоянии. ...наставление детей зависит токмо от случая и лишаются оною бедные... <...>.

*Часть первая. Глава третья*

В ней описываются нужды и недостатки, в потребных гражданскому сожитию обучениях происходящие.

«21. Когда мы толикие неудобства претерпеваем со стороны наших промыслов, то чувствуем оные не менее и со стороны промышляющих. Молодые граждане, имея худое от непросвещенных нимало отцов и матерей воспитание, и лишась совокупно самых первых необходимых наставлений, вступают по необходимости малолюдства в нашем посаде в служения при питейных казенных сборах, портят около пьянственных дел природные свои нравы, а чрез то гражданство вообще лишается прочных граждан, купечество-же особливо добрых, верных и обученных служителей, доходя же ближе сему причины, находим мы оную в недостатке наставления.

1) В первых детских обучениях то есть грамоте, и христианскому благочестию. 2) В обучении знаний, купечеству необходимых.

22. Что до первого принадлежит, то во оном каждый гражданин, приготавливаемый к торговому и промысловому состоянию, во обществе необходимость имеет наиболее потому, что на нем благонравие и доброе согражданство основывается, в чем свидетелствует сверх святого писания высочайший имянной Е. И. В. февраля 26 дня 1764 года указ сими словами: «От веры спасительной истекает все благонравие и доброе согражданство».

Однакож, по вышеизъясненным причинам (глава 1, § 5, б) принуждены мы стерпеть недостаток в обучении грамоте детей, потому что по большей части они от предуверений (= предрассудков, предубеждений? – А.Л.) и скудости со стороны родителей не учеными остаются, особливо ж женский пол, коему вверяется по замужестве воспитание детей и домашняя экономия, почти и вовсе того лишается. Недостаток-же в обучении детей христианскому исповеданию произошел от недостатка средств, к сему намерению необходимых, в числе которых суть: 1) Книги, которые бы для сего намерения на разные классы, смотря по количеству лет детских, разделясь, об одной материи изданы были. 2) Школные исправные мастера, коих недостаточное ныне число по той причине видим, что они довольного содержания, от неположения им за обучение доходов, и от малого числа учеников, по не принуждению к тому их родителей, себе снискать не могут.

23. Рассуждая по свойству портового города, и что во оном коммерция бывает с иностранными местами, заключается, что великая нужда состоит в том, дабы купцы, их служители и приготавливаемые к торговому промыслу дети были благообученные. Но в сем деле купечество наше великую несет нужду, потому что нет купеческой школы, в которой бы по крайней мере дети

возможном хлебом и платьем удовольствию, от коликих и до каковых лет». – Но здесь непонятно, считают ли вологжане образование своего рода компенсацией за неблагоприятные обстоятельства, при том что благополучные дети здравствующих и процветающих родителей вполне могут без него обойтись, или же они полагают, что последние и так, в домашних условиях, должны получать все что нужно, а заботиться следует только о сиротах. Скорее всего, второе соответствовало их идеальным представлениям, а первое – жизненной практике.



могли обучаться: 1) Правописанию и штилю купеческих писем; 2) Арифметики и знанию о весах и мерах других государств; 3) Бухгалтерии; 4) Купеческой географии; 5) Иностранным языкам; 6) Правам до купечества принадлежащим, как российским, так и иностранным; 7) Навигации. По сему коммерция лишается искусных негоциантов, каковыми просвещенная Европа наполнена будучи, всегда умеет верх одерживать в своих прибытках. И этого ради может уподоблена быть такой мануфактуре, которая имея хорошие материалы, а неисправные инструменты, не может достигнуть совершенства. Обоих вышеписанных наставлений не имея гражданство в употреблении, лишается, как выше показано, вообще добрых граждан, надежных и полезных членов общества и благоискусных купцов».

#### *Часть вторая. Глава третья*

В ней описывается прошение о поправлении архангелогородского гражданства заведением школ.

«60. Чтоб старание о сем важном в полицейских и экономических учреждениях пункта магистрату по его должности узаконено было, препоручить и в таком случае, ежели русский гостинный двор, с могущими от него быть доходами, всемилостивейшее магистрату и гражданству пожалован будет, то оноуб законом поведено было о сем школьном деле по должности отчества иметь старание на ниже следующих основаниях.

61. Предписать всем гражданам, чтоб они детей своих обоого пола без всякого изъятия под чувствительными штрафами российской грамоте и катехизма учили бы, вследствие чего: 1) учредить малые школы, для которых государственным законом повеленоб было, кому надлежит, сочинить и издать в печать, с размером детскому разумению, катехизма, единственно на слове Божиим утверждающегося, и для изъяснения оног издать краткие священного писания ветхого и нового завета истории из лучших в сем роде авторов, и таковыми книгами, снабдив оные школы, содержать их магистрату под своим ведомством, смотрением и попечением так, как 2) и мастеров школных, коих считать между цехами, по силе магистратского 1721 года регламента, от них магистрату чрез старшину получать полугодовые рапорты о учащихся и по состоянию и числу положить им таксу за учение по времени, дабы оные учителя единственному делу прилежали, и за недостатком содержания в другие промыслы не входили. 3) Для бедных городских детей учредить особливую школу, гдеб они могли без платы обучаться, а мастеров к оной снабдить жалованьем из городских доходов.

62. Учредить для купецких людей и для способных из бедности болшую школу, устроая для оной потребное число жилых покоев в верхнем жилье прежде помянутого гостинного двора, во оной обучать детей по желанию отцов, которым однакож оное желание вперяь магистрат обязан, тем учениям и языкам, в которых купечество нужду чувствует, и которые описаны в первой части гл. 3 § 23. Основание оной школы былоб такое, как представлено от архангелогородского гражданства в комиссию о коммерции 1764 года; а жалованье мастерам весма умеренное, котореб могли они дополнить положенным с достаточных учеников платежем, кроме ректора, которому определить доволное жалованье; в протчем оставить смотрение и полное распоряжение чинить магистрату».

### **Дворянские наказания**

Мы видим, что предъявлять образовательные запросы для архангелогородского купечества не в новинку: такого рода требования были сформулированы и выдвинуты три года назад, хотя и адресованы ведомству, которое еще не

созрело для создания собственной образовательной системы. Программа при этом предлагается достаточно обширная, – она превзойдет все, что выдвигало купечество в других местах (за исключением одного курьезного случая, о котором мы расскажем ниже). Она представляет собой, по сути дела, программу высшего экономического образования; она хорошо продумана и в финансовом, и в структурном отношении. В качестве финансового источника мещане указывают доходы русского Гостиного двора; готовности содержать проектируемую школьную систему исключительно силами общества они не выказывают и требуют, таким образом, казенного участия, но предполагают, что те, кто в состоянии, будут за обучение платить. Таким образом, они видят просвещение как совместное – свое и государственное – дело, которое должно поднять производительность края, усилить его и в конечном счете принести пользу казне. При этом для них важен не только образовательный, но и традиционный воспитательный аспект; их волнует качество христианского просвещения, они желают книг «лучших авторов».

В этих документах мы рассмотрим то, что интересует нас в первую очередь при анализе наказов: 1) чему предполагается обучать детей, 2) кто является адресатом (как правило, безусловно, сословия преследуют собственные интересы, но иногда – прежде всего в дворянской среде – образование рассматривается как общенародное дело) и 3) каковы финансовые источники проектируемых школ. Начнем с дворянских наказов.

Благородное сословие Московской губернии высказывает довольно подробную программу (4, 362–364): «Наказ, выбранному от дворянства Серпуховского, Тарусского и Оболенского уездов депутату, господину генерал-майору, князю Алексею Никитичу Волконскому. 11) Для прославления цветущего государства, отцы и матери обучают детей своих разным иностранным языкам и наукам на своем коште; а блаженной и вечnodостойной памяти премудрый Государь Император Петр Великий указал производить за одну арифметическую и инженерную науки в офицеры; но по оному исполнению не чинится; а таковые ученые производятся от солдатства по линии; и так они за труд и науку награждения и куражу, а воспитатели их порадования не имеют, и равную с отданными в рекруты крестьянами своими службу несут; да иногда еще не только в одном полку и в одной роте, но и в квартире в одной стоят, то всеподданнейше просит, чтобы дворянские дети пред рекрутами отменными удостоены были и определить, за какие науки, в какие чины производить. 14) Многие бедные, малопоместные дворянские дети остаются без всяких наук, по бедности своей и сущего недостатка, и не только что дать ему за науку, и пропитание имеет с нуждою; также и других чинов люди такие же есть, и для оных не соизволено ли будет учредить в городах школы, в коих, определяя число учеников бедных на казенном содержании, а прочих, кто пожелает отдать, положить с человека по месячно, почему брать учителю и на содержание школ, в коих учить детей российской грамоте, арифметике, геометрии, немецкому и французскому языкам; и на содержание оных школ, не соизволено ли будет из неокладных доходов сумму пожаловать; ибо как дворянские, так приказные и купеческие дети в оных обучаться будут, и годные для государства в службу быть могут; и оные школы в смотрение и собиране учеников отдать воеводам, определяя в товарищи к нему из отставных доброго живущего офицера и из магистрата ратмана, дабы они оные школы имели в своем прилежном смотреии и попечении; а как им поступать о том учинить с наставлением наказ или инструкцию».

Здесь мы видим подробный ответ на все три вопроса, которые стояли перед правительством. С одной стороны, дворянство высказывается не только в своих узкосословных интересах, выступая за школы для дворян и разночинцев. (И программа, надо заметить, выработана неплохая, это ядро среднего образо-

вания; до гимназической ей не хватает древних языков, до «реальной» – естественных наук.) Одновременно здесь высказывается мысль, противоречащая позиции как властей, так и интеллектуалов: дворяне просят узаконить результаты домашнего воспитания и поддержать учителей, и это – думается – является подлинным отношением сословия к данному типу воспитания. Отметим, что это мнение звучало и на заседаниях Комиссии: депутат дворян Бельского уезда Богдан Потемкин предлагал, чтобы те, кто обучались языкам, арифметике, геометрии и фортификации дома на своем коште, по экзамену принимались на службу офицерскими чинами (4, с. 209)<sup>1</sup>. Частная комиссия «о среднем роде людей» также не высказалась против домашнего воспитания. Но мысль свою она сформулировала в целом, не заостряя внимания на домашнем воспитании дворян (36, с. 193). Так, она «весма отдалена от мнения, чтобы почитать, якобы единственно в школах возможно было достигнуть до некоего превышающего познания в науках, и, в самом положении написав „малолетные“ и „при школах“, чрез союз и показывает, что не одних при школах обретающихся чрез сие разумеется; напротив того, всегда почитает, что домашнее учение, если кто способы имеет, скоряе может к желаемой степени познания довести, – и тако отнюдь не имела в мысли запрещать домашнее воспитание, но, как в причинах сочинения статьи означила, распростерла время совершеннолетия для тех, которые в публичных училищах обретаются; ибо для учащихся дома не могла сего учинить, потому что нет такого очевидного и беспристрастного засвидетельствования, как о тех, которые в школах учатся, и самые могущие быть от домашнего учения скорейшие успехи, кажется, что сего не требуют».

А вот дворянство самой Первопрестольной с обидой говорит о преимуществах Петербурга (в наказе депутату, господину генерал-аншефу и кавалеру Петру Ивановичу Панину, 4, с. 231): «§ 15. Чтобы к Московскому и ближнему внутренним провинций дворянству такая же высочайшая милость показана была, какая уже в Санкт-Петербурге действительные плоды приносить начинает, учреждением в здешней столице двух мест для воспитания дворянских девиц, в первом малолетних, а во втором взрослых, также и кадетского корпуса для молодых дворян. Потребный на заведение и содержание сих учреждений вечный капитал охотно согласится дворянство расположить между собою и на себя по мере своих твердых имений, с присовокуплением особливового повсегодного платежа определяемой суммы за тех детей, кои в те новые места отдаваемы бу-

<sup>1</sup> Наказ депутату Московской губернии Епифанского уезда канцелярии конфискации прокурору Федору Хвощенскому требовал 3-м пунктом: «обучась потребным наукам и знаниям», вступать сразу в службу в обер-офицерских чинах по склонности и способности (8, с. 448–449). Депутат пошехонский от дворянства Василий Голенищев-Кутузов при обсуждении законопроекта о дворянстве говорил: «Ежели благородные предстанут ко определению в службу и найдутся обучены из пристойных наук к военной и гражданской службам своим коштом, таких, по их желанию и способностям, определять в службу с отменным награждением чинов против тех, кои выходят из императорских училищ»; а каких наук достигать – тому сделать положение (32, с. 213). Депутат торопецкий и холмский от дворянства Иван Голенищев-Кутузов предлагал «назначить в законах, до которых принадлежит, какого знания требуется от дворянина к получению офицерского чина, дабы то не от прихотей определителей в службу зависело. При сем же, кажется, справедливость требует положить преимущество тем, кои на собственном иждивении выучились», пред выходцами из Императорских училищ. Два депутата примкнули к его мнению (с. 215). Обоянский от дворянства депутат Михайло Глазов высказал иную позицию: обучившихся по экзамену производить в обер-офицеры, не обучившихся – в кадеты, преимущества обучившимся на своем коште не давать. Лубенского полка от шляхетства депутат Григорий Полетика полагал (с. 311), что: «Дворяне, обучившиеся на своем коште и достойными себя сделавшие к службе, должны награждаемы быть чинами преимущественно перед теми, которые воспитаны и обучены на государственном иждивении».

дут». Самостоятельного суждения о программах нет, «дворянские науки» достаточно представлены программами корпоративных учебных заведений столицы, адресат – прежде всего само благородное сословие, а вот расходы оно готово полностью взять на себя. Это мнение прозвучало и на заседаниях Комиссии (4, с. 172–174, депутат от Кашинского дворянства Осип Кожин): кадетского корпуса в Петербурге недостаточно; такой же нужен в Москве, принимать в него следует не иначе, как по свидетельству герольдии, и дворянам записываться только туда (а также в морской и артиллерийский корпуса); из унтер-офицеров в обер-офицеры не производить, сделав офицерские чины привилегией просвещенного дворянства<sup>1</sup>.

Наказ Костромского дворянства депутату генерал-поручику лейб-гвардии Измайловского полка секунд-майору и ордена святыя Анны кавалеру, Бибикову (4, с. 246)<sup>2</sup> содержит жалобу на несчастное положение бедных дворян; в этом случае нет ни готовности, ни возможности брать на себя издержки. Довольно скромна и программа – она ограничивается познаниями, достаточными для военной и статской службы в невысоких рангах: «2) Многие бедные дворяне, не имея достатка не только детей своих пристойно воспитать и обучить нужным дворянину наукам, но по крайнему убожеству и довести в государственные школы по отдаленности не в состоянии; от чего те их дети в невежестве и косности возрастают, и не только делаются неспособными к службе, но и ни малейшего вида дворянского в житии и в поведении своем не имеют; а многие чрез то приходят в разные гнусные страсти и шалости, которые им же самим наконец во вред и погибель обращаются. Для сохранения таковых, и чтобы оные, вместо гибели, на пользу государству и годны для службы Е. В. быть могли, Костромское дворянство всеподданнейше просит, чтобы материнское Е. И. В. воззрение на таковых быть могло, и для воспитания и обучения их грамоте и первым хотя основаниям математики и чужестранных языков, а паче для пристойного их воспитания, повелеть учредить по губернским и провинциальным городам школы или семинарии, в которых бы небогатые дворянские дети воспитываться и сказанным наукам обучаться могли; и чтобы те школы нужным содержанием из материнской щедроты из казны, или иначе, от куда заблагорассуждено будет, снабждаемы были». Наказ адмиралу и кавалеру князю Борису Васильевичу Голицыну, почтенному господину депутату, выбранному от собрания дворянства Калужского и Медынского уездов (4, с. 289), предлагает еще более скромную программу: «Во всяком городе учредить училище на дворянском или на государственном содержании, в котором за главное почитаем, чтобы тому юношеству в молодых их летах чтением внушить от высочайшей Е. И. В. власти к блаженству подданных Ее установленные законы, дабы оные познанием сих, ко отправлению наложенной впредь на них должности, достойными себя учинили, да и от преступления, которое иногда и по одному неведению бывает, спасти себя могли, которому училищу быть под смотрением дворянского суда». Юридический характер предлагаемого образования мало отличается от предложений «Большого Наказа». Наказ дворян Вереяского уезда ротмистру Ипполиту, Семенову

<sup>1</sup> Сумму, необходимую на училища, предлагалось набрать следующим образом: возобновить сбор с вступающих в брак – 50 коп. с не имеющих благородства; дворяне со ста душ платили бы по 2 руб.; от 10 до 100 душ – по 1 руб.; 1% брать со служащих на жаловании. Купцы 1-й и 2-й гильдии должны были бы платить по рублю, третьей – по 50 коп. Граф Александр Сергеевич Строганов (там же, с. 174–175) возражал на это: несправедливо налагать на всех поборы, нужные для дворянства. Пусть платят имеющие свыше 200 душ, а учатся бесплатно те, у кого меньше 200 душ, а остальные содержат детей на своем коште, пользуясь только воспитанием и науками.

<sup>2</sup> Наказ сходен с наказом дворян Любимского уезда, кроме вступления и заключения. Расхождения ничтожны и приведены не будут.

сыну, Степанову (4, с. 381) предлагает «учредить в каждом городе, для учения бедных дворянских детей иностранным языкам и прочим нужным для пользы общества наукам, на казенном содержании училищ, в которые училища каждый бы того города уездный дворянин, по неимению к содержанию и обучению на собственном их иждивении достатка, по способности детей своих... от чего со временем мог быть государственный плод и польза обществу. Хотя же разные училища от Е. И. В. в С. Петербурге и в Москве для дворянских детей и ныне есть; но как не безызвестно, что по большей части дворяне есть недостаточные, которые, по бедности своей, за дальним расстоянием от С. Петербурга и Москвы своих жительство, привозить детей их не могут, и так дети тех бедных дворян, живучи при отцах их без всяких наук, коснеют, а пришед в совершенные лета, за незнанием наук (а много и таких есть, которые российской грамоте, за бедностью и сиротством, не учились), только что записываются в солдаты».

В наказе депутату Тульского дворянства секунд-майору Алексею Дорофееву сыну Ивашкину (4, с. 405–406) 14-й пункт называется «О гимназии». Он предполагает создание малых гимназий, если возможно, во всех, если нет – по крайней мере в провинциальных городах, «к чему надлежащее число, а именно, одного профессора и двух ему помощников, из матернего милосердия, сравнивая уже в престольных городах от Е. И. В. высочайшею милостию определенные училища, на подобное оных содержание из казны определить, также и нужные для наук книги на употребление учителям, а в противном тому случае и на наш собственный кошт... чрез что возрастающее и умножающееся юношество... без всякого отягощения своих отцов и матерей, избегая притом излишнего убытка, свободно не токмо в посредственные науки войти могут, но и к дальнейшему оных окончанию в Императорских университете и академии способными учинится», подчиняя – на Высочайшее благоусмотрение – эти гимназии ведению городских начальств. Этот план вполне созвучен нереализованным замыслам Шувалова. Довольно подробный перечень предметов содержится в наказе депутату Кашинского уезда, отставному лейб-гвардии капитан-поручику, Иосифу, Иванову сыну, Кожину (4, с. 468–469, 477–478): учредить «для обучения дворянских детей школу, в которую, принимая от семи лет и до шестнадцати, обучать: первое, закону христианскому; второе, французского и немецкого языков, рисовать, фехтовать, арифметики, геометрии и тригонометрии, артиллерии и фортификации, и для того бы определить к обучению закона из священного чина, а прочих наук учителей... а содержать их в тех школах каждому отцу на своем коште, и по обучении определять оных, где по склонности своей служить пожелают, рассматривая по наукам, в унтер-офицерские или другие чины; и чтобы каждый дворянин отечеству своему должен был неотменно служить десять лет... 32) На вышеозначенную школу... чтобы всемилостивейше дозволено было собирать со всего уезда, как с государственных, так и помещичьих жилых и пустых земель...». Указание возраста – вообще очень редко в наказах. Такой же редкостью было требование обязательной службы уже после Указа о вольности дворянства. Является ли это первым проявлением прогрессивной идеи, которой руководствовалось образовательное ведомство уже в XIX в., – обязательная служба в обмен на казеннокоштное воспитание?

Дворянство заботится о просвещении крестьян. В наказе от дворянства Дмитровского уезда генерал-майору князю Ивану Андреевичу Вяземскому во втором пункте («О земском суде») сказано (8, с. 506–507): «Предводителя же и земских судей долг, сверх положенного на них дела, состоит еще и в том, чтобы при общих собраниях уговаривать каждого дворянина обучать детей своих разным полезным наукам и языкам; особливо стараться о научении детей правильному знанию российского языка... Уговаривать надлежит каждого и в том, чтобы дворов на сто, в ином месте один помещик, в другом разные помещики, сло-



жась, содержали искусного учителя, для обучения по несколько крестьянских детей грамоте и простым арифметическим правилам. К сему весьма склоняют надлежит каждого помещика, толкуя всякому, сколько больше пользы он может надеяться от грамотного крестьянина. Не для одной сохи крестьянин надобен государству, но и для разных других упражнений; грамота же пахать не помещает, тем паче, что те лета, в которые ребят можно грамоте обучать, пропадают почти без всякой пользы». В наказе Крапивинского уезда обер-секретарю Анисиму Князеву (8, с. 557) рекомендуется возложить народное просвещение на духовенство, чей образовательный ценз тоже предполагается повысить: «4. Всеподданнейше В. И. В. просим при всех церквах быть ученым священникам для проповеди и утверждения во исповедании веры Закона Божия и во отвращение злых дел, також и в знании законов В. И. В.; от чего будет в том всенародная польза на довольном денежном жалованьи, и при них церковному причту; а где есть церковные земли, то оные продать, а дьячкам и пономарям обучать крестьянских мужеска пола детей от семи лет грамоте и писать, на содержании отцов их; от чего впредь уповательно подлый народ просвещенный разум иметь будет»<sup>1</sup>. Это все, что можно извлечь из наказов дворянским депутатам громадной Московской губернии (всего их 49).

Из трех наказов дворянства Петербургской губернии один – «данный от Ямбургского дворянства... Федору Семеновичу барону фон Вольфу, господину премьер-маиору и вольного экономического общества члену» – имеет пункт, сходный с вышеприведенными (14, с. 249): «6) При церквах и кирках сего уезда, весьма нужно учредить школы для малолетних, в коих обучать того уезда дворовых и крестьянских детей грамоте и первых оснований закона, и кто кого отдать пожелает, тех принимать и обучать; а для содержания школы и учителя платить каждому в свой приход с души по умеренной цене в год и отдавать попу, которому иметь во всем попечение и вести деньгам приход и расход и отдавать отчет, как в учении, так и в издержках земскому правлению». В наказе от Копорского дворянства выбранному депутату генералу фельдцейхмейстеру, Е. И. В. генерал-адъютанту, л.-гв. конного полка подполковнику... гр. Григорию Григорьевичу Орлову... (с. 244, п. 6) высказаны аналогичные пожелания: «За нужное находим учредить училища, как для русских, так и для чухонских детей, дабы знанием закона хотя мало поправить нравы их. На сей конец видится можно учредить при церквах школы, в которые крестьянские дети от семи до двенадцати лет, в зимнее время, для обучения грамоте и первых оснований закона, за умеренную плату, ходить могут». О том, каким образом заставить крестьян получать образование, которое им же предлагается оплачивать, оба документа умалчивают. Молчит об интересующих нас вопросах и единственный дворянский наказ Выборгской губернии.

В наказе дворянства Новгородского уезда, Водской пятины... генерал-инженеру сенатору и от строения государственных дорог директору и кавалеру Николаю Ерофеевичу Муравьеву... (14, с. 257) десятым пунктом выдвигается требование «учредить при губернии училища» для детей дворян, «кои на своем коште обучить не могут» (по-видимому, предполагалось сделать это за казенный счет). Жители того же уезда, Деревской пятины... в наказе полковнику и государственной военной коллегии прокурору Федоту Михайловичу Веригину (14, 262, п. 9), изъявив готовность открыть при губернии или в уезде училище, просят «и о пожаловании им, с высочайшей Е. И. В. монаршей милости, питом-

<sup>1</sup> Депутат Иван Жеребцов (14, с. 178) высказывался в таких выражениях: «Пороки, внедряющиеся в сердца человеческие, суть источники криминальных дел... Это особливо я считаю нужным заметить относительно крестьян, потому что они, будучи воспитываемы столь грубо и нерадиво, если не обуздают вольность свою, стремящуюся ко злу и порокам, то свирепством своим, приобретенным навыком, превосходят самих лютых зверей».



ства (= питания. – А.Л.) и одежды». Об учреждении училищных домов в губернии должен ходатайствовать и депутат Новгородского уезда Обонежской пятины генерал-аншеф и кавалер Яков Андреевич Мордвинов (14, с. 330, п. 5). Дворяне Тверского уезда (14, с. 326, п. 1) уполномочили Л.-гв. подпоручика Василья, Иванова сына, Неклюдова просить «в городе Твери учредить на казенном коште училище с пристойным числом учителей; а учеников содержать дворянам на своем коште; в чем могут пользоваться Тверской провинции по близости и прочих городов дворяне».

Дворяне Новгородского уезда Шелонской пятины... уполномочили артиллерии обер-квартирмейстера Ивана Картмазова (14, с. 346, п. 14) «все-подданнейше просить Е. И. В. ... дабы... узаконено было дворян, не взирая на данную вольность, идущих в службу Е. И. В. избавить на всегда от солдатства и унтер-офицерства, а от ныне обученный дворянин российской грамоте писать и читать хорошо, також арифметике, геометрии и несколько российской географии, вступал бы в службу прямо в обер-офицеры, а в прибавок к тому, кои дворяне обучены на своем коште разным чужестранным языкам и наукам, тех, экзаменуя, определять равными рангами, какими того же достоинства кадеты выпусканы будут; по надлежащему же можно на своем коште обучившихся, истрата в том не малое иждивение пред теми, кои обучились разным наукам на казенном содержании, иметь и преимущество; а при том представить, если вышеписанное вступление в службу по достоинствам наук узаконено будет, то Россия вскоре увидит не токмо в городах, но и в деревнях воспитательные училища, основанные по согласию дворян на своем иждивении, от коих училищ и отдаленные места России просветятся вскоре, подобно как просвещаются ныне знатнейшие города; военные же и статские места наполнятся людьми знающими и обученными»<sup>1</sup>. Зато дворянство Псковского уезда в наказе генерал-майору Евдокиму Щербинину сразу, в первом пункте, утверждает, что дворянство уже – самый просвещенный класс, и на этом основании требует себе всех прав и привилегий, принадлежащих любому сословию, кроме, пожалуй, духовного (14, с. 376):

«Без выражения доказательств известно каждому, что в просвещении человеческого разума и познания одни, по старанию трудов своих, а другие, имея к тому разные случаи, в отечестве нашем преимуществуют прочим званиям народа дворянство. Как же что потребно довести до совершенства, не иначе можно чем, как чрез способных и знающих к тому. А как по доказательству первый класс в знаниях пред прочими дворянство есть, следовательно, ежели оно апривиллегировано будет, чтоб имели вольность, каждый по склонности своей, во всякие входить звания, то все желаемое к совершенству доводить, как к исполнению повеленного в законах и в прочем, так мануфактуры, фабрики, коммерцию и земельные продукты возможно будет; ибо каждое дело желающий и имеющий знание и склонность действительнее с успехом исполнять может пред несведомым и неимеющим понятия».

В п. 16 (с. 395–397) псковичи жалуются, что простолюдины коснеют в невежестве, лишаясь спасения души и предаваясь лжи, воровству, грабительству и смертоубийству. Помочь делу должно духовенство; дворяне требуют повысить его образовательный ценз и содержать сельских священников «на довольной руге и жалованьи, а не на пашне». Дьячки и пономари должны учить крестьян «словесно» (то есть читать, но не писать); в качестве примера приводятся другие государства и более просвещенные российские провинции – Лифляндия и Малороссия. Так, новгородское губернское дворянство в среднем высказыва-

<sup>1</sup> Текстуально очень близок наказ депутату Псковской провинции ведомства города Опочки... генерал-маиору Алексею Ивановичу Неведомскому (14, с. 275, п. 12).

ется о воспитании чаще, нежели московское (их наказов всего 19), но мотивы у него – те же, и иногда – например, утверждение, что домашние питомцы, не получившие казенных денег на воспитание, должны иметь преимущество перед обучавшимися на казенном коште, – они звучат еще более решительно.

Наказ... от всего Смоленского дворянского общества... надворному советнику Ромейке Гурке (14, 422, п. 11): содержит просьбу учредить «в Смоленске особого для обучения детей училища», прежде всего в интересах бедного дворянства; программа при этом отсутствует, источники финансирования не указываются.

Вот обширная выдержка из наказа... от корпуса дворянства Дорогобужского уезда (Смоленской губернии) полковнику Илье, Михайлову сыну, Радванскому... (с. 433, п. 4): «...Желание общественное есть учредить пристойное для дворянина, и ежели соизволено будет в городе Дорогобуже училище, в котором учителю быть на жалованьи, а дворянских детей недостаточных хотя на одном провианте по их неимуществу обучать; в том же доме содержать печатные книги, происходящие из академической, университетской и прочих учрежденных типографий, которым в пользу обучающегося юношества будет продажа; а чем более умножится учения и книг, тем в лучшее состояние приходиться могут дворянство и к службе способнее; а хотя и учреждены большие учения в столицах, но по дальности и не имея достатка отвезти не могут, а иногда в случае неимения вакансии и в комплект не вместятся, и за тем имеют оставаться, хотя б к тому и усердно желали, без всякой науки». Какой же науке учить? «Особенно нужнейшей: арифметики, геометрии и фортификации с прочими до общества касающимися частями». Смоленских дворянских наказов всего пять; интерес к воспитанию у благородного сословия Западного края высок.

Север от Запада почти не отстает, и среди шести наказов архангелогородского дворянства мы обнаруживаем две жалобы: наказ Галицкой провинции Парфеньевского уезда... Михаилу Яковлевичу Макарову (с. 489–490, п. 9) гласит: «В Галицкой же провинции, в Парфеньевском уезде, бедное и недостаточное дворянство, и в силу Е. И. В. указа велено дворянских малолетних детей, для обучения инженерным и прочим военным школам, присылать в Санкт-Петербург или в Москву, для наук и явки; понеже дворяне бедные и недостаточные; но так как и дети их, по их бедности, не довольны прочими науками, но и российской грамоте без ученья остаются, не повелено ли будет указом Е. И. В. ... учредить, по их бедности, школу в Галицкой провинции, и на каком основании их содержать; а для объявки дворянских детей в Петербург или в Москву, по их бедности, за дальностию, отменить, а разбирать бы об их осмотрах галицкой провинциальной канцелярии». Наказ галицкого дворянства отставному секунд-майору Юрию, Петрову сыну, Лермонтову перекликается с вышесказанным (14, с. 495, п. 14): «Не повелено ли будет в провинциальном городе учредить пристойное училище, какое и на каком содержании высокою властью за благо рассуждено будет, чтоб недостаточным дворянам по близости и отдавать детей своих повелено было в те училища».

Гораздо меньше интереса к образованию выказывает благородное сословие Поволжья. В пяти наказах Казанской губернии о нем нет ни слова; из четырех нижегородских краткое примечание содержит только один документ – Наказ алаторского дворянства подполковнику князь Ивану Ивановичу Бабичеву (68, с. 116, п. 11): «Всенижайше бить челом о малолетних дворянских детях, дабы для обучения оных учреждены были в губерниях и провинциях училища, в которые повелено-б было принимать таковых, за которыми их малолетних родителей не более ста душ».

Малороссийское шляхетство было более активно. Среди 17 документов, составленных дворянами Воронежской губернии, только два затрагивают ин-

тересующий нас вопрос. Наказ Керенского дворянства ротмистру Гавриле Ломоносову (68, с. 436–437, п. 1) гласит: «Чтоб православная вера греческого исповедания в своей силе была по законам, и чтоб священники посвящаемы были благоговейного жития и доброго состояния и ученья, да и простой народ могли обучать и до раскольников не допускали, но всячески старались от того отвращать, ибо оных раскольников весьма умножилось, а все то происходит от неискусных и нерадивых священников, а наконец опасно того, чтоб и вся подлость в ту ересь прельщена не была. Ибо оные настоящего в законе поучения со исполнением от приходских священников никогда не слышат...». Сходные мотивы звучат и в другом наказе – ефремовского дворянства титулярному советнику Федору Безгину (с. 463, п. 1): «Вкоренить в сердца наши страх, чтоб помнили Бога и закон его, а зависит оное не от иного чего, ежели-бы мы имели священников достойных, не таковых, как ныне во всем городе Ефремове и уезде, почти заключить единым словом, не находим ученого священника, то от неразумия их нежели наставить на истинный закон, но еще сами в худых предприятиях состоят, многие входят в ябеды, коих священный чин не дозволяет, и употребляют себя в других количествах, то есть в пьянствах и в чинении безобразностей... то уже видя оное, подлый народ какого от них благочиния набраться может, кроме от таковой соблазны отвергаются от церкви Божией и входят во всякие беззаконные дела...» Таким образом, дворянство этой обширной губернии, пренебрегая вопросами собственного образования, хочет поднять образовательный ценз духовенства, надеясь, что это приведет сначала к нравственному исправлению самих священников, а вслед за ними – и простого народа. Но об обучении «подлости» (интересно, только ли Слову Божию, или еще и грамоте? – это наказ не уточняет) говорится только в одном документе.

Наказов дворянства Белгородской губернии ровно столько же – 17. Но жители Белгородской губернии в данной области активнее: образование и воспитание затрагивают четыре наказа. Орловское дворянство (имя депутата не указано, с. 525–526) высказывает оригинальную и редкую мысль: «И для сохранения сего народа в целом государстве, где великий упадок бывает, чему мы очевидцы, не соблаговолено-ли будет умножить медицинские университеты, где определить повелеть довольное число молодых людей, как своих природных, так и малороссиян... следственно, и впредь есть надежда, чтоб таковых способных к той науке людей чрез несколько лет можно умножить, из коих как в полки, так и помещикам определять на число крестьянских душ, на сколько заблагоразсуждено будет, на помещиков жалованья и содержания». Наказ Курского дворянства премьер-майору Петру, Александрову сыну, Стромилову (с. 549, п. 22) содержит прошение, чтобы «для обучения наших дворянских детей означенных наук (арифметики и других потребных. – А.Л.), в губерниях и провинциях и в других знатных городах, усматривая, где дворян против прочих состоит доволнее, учреждены были учителя, в тех науках искусные и рачительные, на казенном одних оных учителей содержания, а дворянские дети, будучи при том обучении по близости к своим домам, могут себя содержать собственнo от оных своих домов...». Наказ Белевского дворянства секунд маэору Ивану, Афонасьеву сыну, Скрыплеву (с. 610–611, п. 2) «покорно просит, дабы соблаговолено было, сверх учрежденных ныне кадетских корпусов и университету, учредить в нашем городе школу, в коих и обучать одних дворянских детей, не примешивая других родов, дабы они подлостью заражены при самом своем воспитании не были. Обучать же самым нужнейшим наукам: фортификации, инженерии, артиллерии и архитектуре».

В наказе Белгородского дворянства бригадиру и Белгородской губернии губернаторскому товарищу Брылкину изложено требование (658. 11): «Учредить в каждом городе для дворянских детей школы. И чтоб все дворянские дети, как

по бедности своей в домах обучатца и за далностию во учрежденные училища ехать не могут, в тех же городах обучились как словесному и писменному, так и протчим пристойным наукам к дворянству, и по последней мере, хотяб уж одной арифметики и геометрии».

Описав пожелания великоросского благородного сословия, перейдем к остзейскому и малороссийскому. Лифляндское дворянство в наказе гг. депутатам обоих рыцарских округов герцогства предлагает (68, с. 72, п. 8, оригинал на немецком): «Господам депутатам рекомендуется добиваться всеусердно и со всей заботой, в силу данного им с собою обстоятельного представления, восстановления учрежденной в Лифляндии в шведские времена академии, или еще более общепользней гимназии».

Теперь рассмотрим малороссийские указы (Малороссийской и Слободской Украинской губерний). Они представляют немалый интерес и свидетельствуют прежде всего о том, что благородное сословие этих провинций стремится к просвещению. Всего наказов – 15; шесть из них содержат просьбы о просвещении края, в основном – довольно подробные; масштаб пожеланий существенно превосходит великоросские. Наказ Глуховского шляхетства «асаулу войсковому генералному, Ивану Михайловичу Скоропадскому» (68, с. 130, п. 6) таков: «Всеми свету известно, сколь великое Е. И. В. и неусыпное попечение о просвещении российского юношества чрез обучение в свободных науках. А и в здешнем народе особливейшая к наукам склонность и охота выдаться, но за отдаленностию от здешнего краю уневерситетов и другими препятствующими неудобствами не имеют к тому способу, а инние, отсылая детей своих в иностранные земли, приходят в оскудение. Для того Е. И. В. всенижайше просит, дабы всемылоостивейше повеленно было учредить в Малой России рады свободных нужнейших наук университет и тот университет Императорскими своими сохранить прывылегиаы, дабы и здешнее юношество чрез просвещение в науках могли удобнейше поспешествовать службою своею в пользу государственную».

В наказе Нежинского и Батуринского шляхетства судии земского повету Нежинского Лаврентию Яковлевичу Селецкому (с. 137, п. 3) местные дворяне требуют создать на Украине просветительский центр, если и не по масштабу, то по номенклатуре учебных заведений не уступающий Петербургу и Москве (и даже превосходящий последнюю): «До нынешнего времени о воспитании юношества весьма малое или, лучше сказать, почти никакое у нас не употреблено попечение, ибо, не имея порядочных училищ и воспитательных домов, жытели здешние те токмо, коим не препятствовал достаток, отправляли детей своих в Санкт-Петербург, в Москву и в чужие края. Напротиву того, те, которых щастие не одарило достатком, отдаленностию и другими неудобствами лишенные способов к хорошему воспитанию детей, оставляли их без надлежащего присмотру в домах возрастать бесполезно и часто в тягость обществу. Женский пол оставлен был также без надлежащего воспитания и учения. К поправлению сего общественного недостатка, для просвещения нравов народных и искоренения невежества и в рассуждении того, что без доброго воспитания нельзя быть искусным и храбрым военачальником, мудрым государственным служителем, справедливым судьей, рачительным домостроителем и полезным гражданином общества, да соизволит Е. И. В. всемылоостивейше учредить в Малой России дворянский корпус, в котором бы малолетним дворянам, как нужное для утверждения их в добронравии воспитание, так и учение всему тому, что благородному человеку в военной и штатской службах и в сообществе гражданском полезно быть может, данно было, особенно же для учения вышним наукам и распространения испытаний (по-видимому, исследований, а не экзаменов. – А.Л.), которыми учение люди государственной и собственной каждого ползе в домостроительстве и в прочем, жизни человеческой нужном, служить могут, осно-

вать в приличном месте уневерситет или академию. А как и женский пол имеет необходимую нужду в добром воспитании, то и для них, где покажется за благо, завести особый дом воспитания, к которому присовокупить учение всего им надобного и полезного».

Составители наказа Переяславского полку шляхетства «полковнику компанейскому Захарю Михайлову сину Забеле» (с. 150, п. 4), ссылаясь на Переяславскую Раду, требуют, чтобы университет был учрежден именно в их городе: «Ничто в жизни для честнаго шляхетства не может быть столь полезно, а для интересов государственных потребно, как знание наук, составляющее в человеке целость его собственного благоденствия и пользы государственной. Сему основанию последуя, малороссийское шляхетство отдают своих детей в разное отдаленные науки, как-то: в уневерситет Московский, у Санкт-Петербург, а другие посылают в чужие дальние государства и, достигая наук, лишаются по своим недостаткам чрез великие убытки имущества и приходят к бедности. Мы с многих опитов несумненно надеемся, что сия наша ревность к наукам отвечает во угодность высочайшей Е. И. В. воле и любви к совершенству разума. На сию степень о возведении верноподданных своих Е. И. В., яко премилосердая мать, имея неусипное попечение, всемыслостивейше соизволила в разных местах своего государства завести училища и учредить уневерситеты на коште государственном для ползы юношества в просвещении их разума и достижении разных наук, а Малая Россия сего щастья в получении еще не имеет. Того для, всеподданнейше просит, да благоволит Е. И. В. по примеру других мест, в коих учреждени уневерситеты, пожаловать и нас высочайшою милостью в учреждении в Малой России на коште казенном из малороссийских таможенных доходов университета в городе Переяславле, яко сей город не последний между малороссийскими первейшими городами... Не меньше того полезно быть имеет здешнему шляхетству, ежели Е. И. В. соблаговолит учредить у Малой России корпус шляхетский, а особо и дом воспитательный для благородных девиц на коште вишеписанном казенном...».

Киевское шляхетство в своем наказе (с. 176–177, п. 4) также просит открыть университет «в городе Киеве или в том месте, где заблаго усмотрено будет шефом нашим, его сиятельством графом Петром Александровичем Румянцовым» – и предлагает использовать для финансирования малороссийские таможенные доходы. Киевлянам вторит стародубское шляхетство (193, п. 4), черниговское же в наказе генералному асаулу Ивану Михайловичу Скоропадскому (236, 237, п. 3) просит открыть не только университет, но и дворянский корпус, и «особливый дом воспитания» для благородных девиц. Наказ Сумского дворянства отставному порутчику Андрею Иванову сыну Кандратеву (276–277, п. III) показывает, что университет воспринимался скорее как средняя школа: «...и в здешнем городе учредить училища: первое – для благородного дворянства, второе – для церковнических, подьяческих, мещанских и протчих тому подобных детей, и обучать оных так, как в учрежденном в Москве Императорском университете и в городских протчих училищах предписано». Таким образом, мы видим, что – при всей туманности представлений о том, чем же должен быть университет, – Малая Россия не желала отставать от столиц Великой, не довольствовалась своими духовными академиями, и общественное мнение ее дворянства созрело для значительного шага вперед в области просвещения, если бы правительство желало этот шаг сделать.

### Наказы третьего сословия

Прежде чем рассматривать пожелания мещанства, обратимся к немногочисленным наказам, поступившим из присутственных мест. Полицейский наказ повторяет, по существу, положения Большого, дополняя их мерой, позво-



ляющей обеспечить учеников и учителей пособиями (43, с. 350, § 331): «Доброе воспитание детей сколь нужно, известно всякому благоразумному и резоны описывать за излишнее находится, но как оно в городах всей империи, а паче что до средних и мелких мещан принадлежит, совсем нет, то испрашивает полиция милостивейшего нужнейшего о сем узаконения»; с. 357, «§ 373: Церковных и учебных книг, тож и законов военных и гражданских дорогою ценою продавать запретить, и единственно такую ценою, чтоб только типография в напечатании убытку иметь не могла, дабы каждый за дешевую цену мог те необходимо нужные книги иметь. § 374. Гражданских и военных законов по книгам учить при словесных науках, обще с законами о вере, дабы с младенчества каждому умещему грамоте все права известны были».

Санкт-Петербургский архиепископ Гавриил<sup>1</sup> требовал преимуществ для ученых священников перед неучеными, хотя бы и старшими (43, с. 417, п. 3). В п. 14 (с. 418) он пишет: «При всякой градской и сельской церкви для маленьких приходских ребят, кои еще работать не могут, завести школы и священникам и диаконам обучать их катихизиса и грамоты, по мере понятия их, в удобное время, не требуя за то платы, но вместо того вмения вышеозначенную получаемую с прихода ругу, или пашенную землю с угодья и убираением оных». Фактически это предложение ввести всеобщее начальное образование. Вот что говорит Епископ Ростовский и Ярославский Афанасий во 2-м пункте своих замечаний (с. 422): «Во всей Российской Империи крестьянские дети приходят в возраст все безграмотные, а потому не только закона христианского сколько возможно, но и неминуемо должных христианину повсядневных молитв многие знать не могут, редкий же крестьянин и о самом Боге надлежащее понятие имеет; чего для необходимо нужно крестьянских детей от седми до тринадцати лет, в которых они никаких крестьянских работ исправлять еще не могут, а пребывают праздно, обучать грамоте, букваря и катихизиса, чрез что познание христианского закона вкореняться, а грубость нравов их исправляться будет, и разные беззаконные дела, которых многие из них и в грех не ставят, истребляться могут; ко обучению же тех крестьянских детей наилучший видится способ, когда священники с причтом от земледельческих работ и попечений свободны будут; в каждом приходе каждый крестьянин, имеющий малолетнего сына, пришедшего в седмилетний возраст, непременно должен отдать приходскому своему священнику, диакону или причетнику, кому кто пожелает, а оные должны тех крестьянских детей обучать со всевозможным рачением; когда же в тринадцатилетний возраст вступит, буде прежде тех лет кто не выучится, тогда более ко обучению не понуждать, а отдавать отцам их с тем, кто что выучил, дабы в крестьянских работах остановки быть не могло». Дальше Афанасий рассматривает вопросы платы хлебом и руги, а также дешевого или бесплатного снабжения учебными пособиями. В замечаниях высокопреосвященного Гавриила речь идет о детях, преосвященного Афанасия – о сыновьях; полагаем, что имелось в виду и в том, и в другом случае только обучение мальчиков. § 6 заметок Афанасия требует заставить приходских людей и помещиков беспрекословно принимать священников из семинаристов, так как те имеют узаконенные преимущества. Таким образом, в Синоде созрело понимание возможности и целесообразности широкого распространения начальной школы (принимая во внимание просветительские иллюзии той эпохи, когда между образованностью и нравственностью усматривали прямую взаимосвязь).

Составители наказа Академии наук коллежскому советнику и профессору Фридриху Миллеру (с. 371–372), в § 3, констатируя нехватку и бесполез-

<sup>1</sup> Духовенство не обладало территориальным представительством; его пожелания выражал депутат от Синода, и в данном случае мы имеем дело с замечаниями к синодальному наказу.

ность училищ (в том числе из-за дурной организации), обещают представить в комиссию соответствующий проект – в будущем, поскольку на него требуется не меньше полугода. § 4 содержит жалобу на учителей-иностранцев и на то, что указ о них «почти без всякого остался действия, и сие злоупотребление по сии поры отнюдь не уменьшилось, ежели еще не возрасло». «Мадамы также и мамзели пользуются преимуществом учить и воспитывать наше юношество без одобрительного свидетельства о своем поведении, а в самом деле многие из них не только худого, но и бесчестного поведения. Для чего академия за полезное считает, чтобы выезжающие учителя и учительницы привозили с собою одобрительные в поведении своем достоверные свидетельства и представляли бы оные при экзамене»<sup>1</sup>.

Перейдем к наказаниям третьего сословия. В наказе московских жителей действительному камергеру князю Александру Михайловичу Голицыну (93, с. 131, п. 34) составители просят оградить купечество от конкуренции («Благоустроенный порядок во всех государствах узаконивает, чтоб всякий чин и звание известный промысел свой производил, в который бы другие чины с пренебрежением принадлежащего им упражнения не мешались. Во уважение сего здешнее купечество всенижайшее просит, чтоб им в купеческих их промыслах и торгах ни от кого никакого подрыва и помешательства не происходило, и чтоб иностранные находящиеся здесь в домах учителя, каммердинеры, мадамы и прочие, под страхом конфискации, ничем не торговали») и основать купеческое училище среднего уровня (с. 134, п. 45): «Здешнее купечество, прибегая в несомненной надежде к неизреченной щедрости Е. И. В., всеподданнейше просит, чтоб высочайше повелено было здесь учредить училища, гдеб нетокмо достаточных купцов дети на иждивении отцов своих и матерей, но и малолетние сироты на содержании всего здешнего купечества разным языкам, бухгалтерству и прочим купечеству необходимым наукам и знаниям обучаемы были», выказывая готовность содержать своих детей и – силами всего сословия – малолетних сирот.

Жители города Бежецкого Верха Московской губернии в наказе воеводской канцелярии канцеляристу Ивану Лесникову (107, с. 50, п. 3) просят: «По недостатку нашему, учредить для просвещения в детях учением разума школу за дальностию семинарий в здешнем городе, хотя небольшую, в которой бы обучатся как градские, так и уездные священно церковнослужительские дети. Естлиж желание чье будет, тоб и из других чинов грамматике и арихметике и протчим, каким соизволено будет, приличествующим священно церковнослужительским детям наукам с определением учителя с книгами на казенном, а обучающихся детей на собственном их коште». Просьба эта исходила от духовенства; впрочем, духовные лица готовы были допустить в свои школы посторонних. Жителей города Шлиссельбурга Санкт-Петербургскому купцу, а шлиссельбургскому жителю Матвею Белозерову наказ (107, с. 237, п. 8) гласит: «И естлибы оные (50 000 руб. для кредитов. – А.Л.) всемилостивейше пожалованы были, тоб можно из остав-

<sup>1</sup> Обстоятельства избрания Миллера: см. статью Антония Васильевича Флоровского «Академия наук и законодательная Комиссия 1767–1774 гг.» // Ученые записки, основанные Русской Учебной Коллегией в Праге. Т. I. Вып. II. Прага, 1924. С. 103 сл. Там опубликованы «Предложения к сочинению Академии наук депутату наказа...» (109–122), принадлежащие его перу. Финал, сохранившийся только на немецком языке, предлагает дать академикам право держать платных пансионеров, которые могли бы посещать публичные училища и пользоваться частными уроками, воспитываясь в добрых нравах. Профессор высказывает проницательное суждение: «Представляется, что на совершенно счастливую эпоху для наук в России нельзя и надеяться, пока дворянство не станет участвовать в оной таким образом, чтобы решиться употребить на попечение о них всю свою жизнь и занимать кафедры в университетах, что нередко у других наций» (121). Начала этого процесса придется ждать еще сорок лет...

ших за плетелем в казну четырех процентов содержать для обучения здешних жителей малолетних детей гражданскую школу, в которой бы можно обучать и некоторого художества». Чрезвычайно любопытен наказ тверских горожан Михайлу Вагину (подписи пяти священников и 72 купцов, 107, с. 432, п. 15): «В Твери, как особливую Е. И. В. милостию возобновляемом городе, в вечное прославление Е. И. В. имени учреждено б было для купецких детей училище, в коем обучать для лучшей способности и скорейшего окончания наук на российском языке грамматике, арифметике, истории, географии, реторике, философии с юриспруденциею и священной догматической богословии, но таким способом, который бы званию купца соответствовал, то есть был бы для купца и доволен, и не требовал бы весма долгого времени, чтоб купецкие дети, обучась оным, имели время обучаться и купечеству. И для сего училища дом, учителя и потребные книги были б пожалованы из высочайшей Е. И. В. милости казенные. Также и ученики, дети неимущих граждан и осиротелые, кои пожелают в том училище обучаться, содержатся б были казенным коштом, ибо тверское купечество, от известного великого пожара пришедши в немалый упадок, на своем коште такого училища содержать не может»<sup>1</sup>. Это единственный в своем роде и очень курьезный документ, – сами по себе купцы никогда не просили «священной догматической богословии», и перед нами – очевидная попытка приспособить для потребностей торгового сословия семинарскую программу. Автору удалось ее «русифицировать»; в предметном наборе три слоя: начально-математический, традиционный для России XVIII в. (грамматика, арифметика), общий средний (история и география) и просто венец семинарской программы (риторика, философия, богословие), но без

<sup>1</sup> В Тверской семинарии с 1763 по 1770 г. все уроки велись на русском языке, что сделало ее доступной для горожан; позднее это было прекращено по распоряжению архиепископа Тверского Платона (Левшина) (*Вершинский А.Н.* Народное образование в Тверской губ. в XVIII в. // *Материалы Общества изучения Тверского края.* Тверь, 1928. Вып. 6. Подробнее см.: *Смирнов Н.П.* «Вопль купецких и разночинческих детей» в Твери, в XVIII в. (Продолжение) // *Тверская старина. Исторический журнал.* Декабрь 1911 г. Страница, 1911. С. 6 сл.); преподавание на русском языке богословия велось ректором Макарием Петровичем с дозволения преосв. Тверского Гавриила, будущего Петербургского митрополита. «Вопль купецких и разночинческих малолетних детей», адресованный преосв. Платону: «И хотя ваше преосвященство отеческою к нам будучи тронуту пользою, и повелели нас в ваших училищах обучать, – за что мы и приносим всенижайшее наше благодарение; но к великому сожалению, родители наши для обучения наукам нас в школы не посылают, рассуждая, что науки преподаются обыкновенно на латинском языке, чрез что мы понесем двойной труд и должны будем обучаться долгое время, оставляя между тем обучение того, что к знанию (sic! званию? – *А.Л.*) нашему особенно нужно. К тому ж, говорят они, что латинский язык может в некоторых из нас умы утрудить, и чрез то охоту к дальнейшему в науках упражнению попортить, и сделать нас к тому неспособными, что де примечено и во многих семинаристах, которые, обучаясь латинскому языку и наукам, вдруг почувствовали в себе скуку, и оттоль лишась к наукам охоты, по довольном упражнении выходят не столь знающими, как бы желать должно». Далее формулируется просьба преподавать на русском языке, оставив для латыни тот статус, который сохраняется за греческим, прибавить к нынешним частям философии физику и натуральную историю, содействуя тому, чтобы для просвещения не надо было учить чужие языки; на этом прошении была следующая резолюция архиепископа: «Мне кажется давно бы могло, естли бы только хотело, гражданство завести на собственном своем содержании порядочное преподавание наук природным языком; а для сего потребными учителями семинария, конечно бы, не отеклась снабдить» (*Карманов Д.И.* Собрание сочинений относящихся к истории Тверского края. Приготовил к изданию член Тверской Ученой Архивной Комиссии Владимир Колосов. Тверь, 1893. С. 157–160). А.Н. Вершинский (52 сл.) полагает, что Диомид Иванович Карманов был среди подписавших Наказ, хотя и не заявляет определенно о его авторстве даже в качестве гипотезы. Нам остается еще раз подчеркнуть уникальность плана.

латыни и вообще без иностранных языков. Жители Великого Новгорода в наказе д. с. с. Императорской шпалерной мануфактуры директору Александру Ивановичу Дебресану (с. 453, п. 6) ходатайствуют: «Хотя по регламенту магистратскому и велено иметь в городах школы, точию за бедностию просят градские жители все-милостивейшего вспоможения о учреждении казенной, яко в губернском городе, школы и учителей, в которую б для учения принимаемы были купецкие и других чинов жителей дети».

Наказ от купечества и цеховых людей елисаветградской провинции... депутату шанца Новомиргородского купцу Михайле Белезлomu (147, с. 99–100, § 11, п. 3) гласит: «Мы же, нижеименованные, разных наций и языков, а единоверной восточной церкви и без особо сооруженной церкви, в коей бы находились священники иностранного православного народа, яко то греческого и волоского, для чего указать всемилостивейше коштом общества церковь соорудить и при ней священников иметь и для обучения всех купечества детей показанных языков книжному чтению школы устроить, учителей содержать на коште нашем общественном». Наказ от города Сердоболя Выборгской губернии просит (147, с. 329, п. 2) «Сей город доброю школою, учителей оной достаточным жалованьем всемилостивейше снабдевать, чтоб юношество в христианском законе, потребных языков знаниям и наукам обучаемо, в церкви полезными членами, в обществе добрыми согражданами и верными В. И. В. подданными быть могло».

Если воронежское дворянство, как мы видели, не проявило активности, то третье сословие губернского центра с лихвой компенсировало это упущение (144, 206–208, п. 6)<sup>1</sup>:

«О учреждении по губерниям для обучения канцелярских служителей и других чинов людей детей школ. Изъяснение выбранному городу Воронежу от граждан голове для препоручения отправляющемуся в Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения депутату от общества города Воронежа приказных служителей. Именными... Петра Первого и Правительствующего Сената состоявшимися в прошлом 714 февраля 28, 715 декабря 28-ж, 716 генваря 18 и 720 годов апреля 30 чисел указами узаконено было, чтобы во всех губерниях подъяческих и всякого чина людей детей, кроме дворянских, от десяти до пятнадцати лет учить цифири и некоторую часть геометрии... а наконец в сходствие того и в прошлом 1763 году, декабря 15 дня, именным Е. И. В. указом высочайше повелено при Московском университете и при Санкт-Петербургской академии наук, и в Казани при гимназии из разночинцев малолетних и из детей приказного чину, кои способны явятся, обучать не только правописанию и хорошему слогу, но отчасти арифметике, геометрии и географии, а наиболее положению Российского государства, для чего иметь всегда на казенном содержании в Москве до осьмидесяти, в Петербурге до сорока, а в Казани до шестидесяти человек, из которых по обучению предписанному определять, как в сенат, так и в другие присутственные места в копиисты, которых потом по усмотрению их прилежности и производить по порядку. Но дабы для обучения вышеписанным наукам учредить означенные школы и в других Российского государства губерниях, о том в предписанном именном Е. И. В. указе повеления и тем школам во оных губерниях учреждения не имеется, а за тем неучреждением общество признавает неполезность ту, что за неимением тех школ, как канцелярские служители, так и прочие граждане малолетних своих детей для обучения только словесному и писать принуждены отдавать в партикулярные руки, яко то разных чинов людям таким, кои почти и в том самом совершенного знания и искусства не имеют, чрез что те малолетние не только соответствующих государственной

<sup>1</sup> Пункт с аналогичными пожеланиями содержится в изъяснении служащих Воронежской духовной консистории (с. 211).

и общенародной пользе наук лишаются, но и до обучения словесному и письму желаемого успеха не получают и остаются на все время их жизни в жалостном и крайнем своем невежестве, а от того как к воинской, так и статской службе делаются малоспособными.

Чего ради в Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения представить, не соизволено-ль будет во отвращение вышеизъясненных неполезностей и получения государственной и общенародной пользы, и в каждом губернском городе, где школ не учреждено, для обучения канцелярских служителей и прочих сограждан малолетних детей под единственным и собственным господ тех губерний губернаторов попечительным смотрением утвердить школы с потребным числом учителей, и содержать оных учителей так, как и во означенных выше сего губерниях повелено из собираемых на жалованье статским чинам новых доходов, на которое содержание и сумма потребна весьма небольшая; место-ж для обучения тех малолетних служить может, как вышеозначенными узаконениями повелено было, архиерейские дома, или монастыри, или же где по рассмотрению тогда господ губернаторов за наиспособнее признано будет; что ж касается до принадлежащих к тому обучению книг и прочего, оное все доставлять тем малолетним может отец или свойственники его, на чьем воспитании тот малолетний находится, и буде оное согласно с тем представлением апробовано будет, то дабы и узаконено было в реченные школы принимать тех малолетних детей столько, сколько кто оных добровольно отдать пожелает, возрастом не свыше десяти лет, а быть им в том обучении до шестнадцати лет, а по прошествии пятнадцати лет выпускать их в воинскую и статскую службу, куда кто сам добровольно определится пожелает, и при тех выпусках, какое кто в науках знание и особенное искусство получил, господам губернаторам и учителям давать им за руками своими аттестаты. Выгоды-ж, как государству, так канцелярским служителям и прочим согражданам от учреждения в губерниях школ произойти могут следующие: 1) Избавятся малолетние дети от невежества и грубости, в которых бы они, не будучи просвещены науками, во все время жизни своей погребены были. 2) По вступлении-ж в военную и статскую службу пред небывшими во оных в должностях своих особенное знание и искусство возымеют и через то государству и всему обществу полезными быть могут. А наконец 3) как сами они, так и сторонние восчувствуют свою собственную пользу, единственно от наук происходящую, и потому возымеют как вступать в те школы, так потом по выбытии из них в другие должности к высокой Е. И. В. службе ревностную охоту».

Жители г. Рязька Воронежской губернии в наказе депутату Ивану Аврамовичу Елфимову (144, с. 251, п. 46) требуют от правительства решительных – в петровском духе – мер: «Российской империи во всех городах непременно школам со учителями надобно быть, дабы такое нужное и богоугодное дело, которое человека совершенным и государству полезным делает, повелено-б было в действие произвести, и быть им на казенном иждивении в ведомстве одних только магистратов, другим же никаким правительствам и звания людям в них никакой власти не иметь. Магистратам, непременно, подтвердить о добром содержании всего того, паче же о воспитании детей прилагать всевозможное старание, дабы они обучены были, сверх искусного понятия закона и письма, арифметике, бухгалтерии, навигации и геометрии, а сверх того и о прочих принадлежащих до коммерции науках стараться; ежели-ж кто из сих детей высоким наукам непонятен окажется, таковых обучать ремеслам и художествам, кто к чему склонен и охотен окажется, дабы никто без науки в праздности не закоснел; кто-ж будет от оногo детей своих укрывать и в школы не отдавать, таковых отцов штрафовать на содержание сих школ, да сверх того, который из сих детей, согласясь потачке отца своего и матери, с школы сойдет без воли и отпуску главного учителя, тому, в силу 1714 года именного указа, запретить жениться».



В другой южной губернии – Белгородской – тоже проснулись образовательные потребности; об этом свидетельствует наказ жителей города Белгорода белгородскому губернскому секретарю Андрею Ильинскому (144, с. 409, *О приказных служителях*, п. 3): «Детей же их, состоящих от семи до шестнадцати лет, как словесной грамоте, так писать и математической науке обучать в казенных школах и на казенном содержании, как и прежде узаконено было, а по произведению им тех наук, когда они придут в совершенный от шестнадцати лет возраст, дозволить оным вступать в службу, в какую кто пожелает и достоин будет...».

Граждане города Вязьмы Смоленской губернии (134, с. 105, п. 17, *О содержании школ для купеческих детей при магистратах*) в своем наказе просят: «Для обучения малолетних купеческих детей, а паче неимущих и сирот... из гражданских доходов и экономии содержать при магистратах и ратушах школы и обучать российской грамоте читать, писать, арифметике и бухгалтерии, чтоб ни один купеческой и цеховой сын, неумеющий грамоте, не был и по миру не ходил. И для того имеющим достаток о воспитании детей прилагать всевозможное старание, дабы они обучаемы, сверх искусного понятия закона и письма, арифметике и бухгалтерии, а по желанию и другим наукам. <...> Кто ж купцы и цеховые, имеющие достатки, собою обучать не будут, а не имеющие достатка будут от одного детей своих укрывать и в школы не отдавать, таковых отцов штрафовать – первой гильдии по пятидесяти рублей, второй по двадцати по пяти рублей, третьей по пяти рублей, которые штрафные деньги взыскивая магистратам употреблять на содержание вышеобъявленных школ и госпиталей».

Расставаясь с русским третьим сословием, нельзя обойти молчанием трогательный и скромный наказ Лихвенского уезда Великовенского стана деревни Кулешевой от засечных поместных сторожей (Московская губерния, 115, с. 95, п. 2)<sup>1</sup>: «Подобное-ж сему желаем, чтоб мы и потомки наши прибежными всегда обращались к церкви Божией, а для сего необходимо за нужное находим достижение в жизни нашей, оставших века сего дней, наук и наставления богоугодным делом, то есть духовным а притом и светским и благосостояния, а к отвращению и вечному забвению худых и беззаконных дел, коих хотя и не оказывается, но к предосторожности от того впредь нужны есть наставники, суть и учителя духовные и светские довольно знающие законы и добрые поведения».

А вот бюргерство Лифляндии делит шкуру неубитого медведя. Жители Императорского города Дерпта просят (147, с. 274, п. 7): «Если В. И. В. соизволите бывшую прежде сего в Лифляндии академию восстановить в том месте, где она с самого начала учреждена была, то город Дерпт, по весьма удобному местоположению своему, яко лежащий почти в середине самой Лифляндии, от того получил бы великую прибыль. Депутат... Фридрих Конрад Баденхаус». Но того же хотели жители Пернова и аргументируют подробнее (с. 282–283, *Наказ от мещан гильдии св. Магдалины города Пернова*): «1. Просим, чтобы В. И. В. всемилостивейше соблаговолили восстановить бывшую здесь академию или университет. Происходящая от того польза, как для нашего народа и для всей земли и государства, так и для всех и каждого одного чина весьма важна. Гораздо бы больше нашлось охотников обучать своих детей наукам, которые ныне сие упускают, отчасти недостатка ради потребного к тому иждивения, отчасти опасаясь отпускать своих детей в чужие края и между чужих людей, где их родителям ни видеть, ни за их поведением и поступками присматривать не можно. А для того многие обучающиеся в чужих краях себя и своих родителей в бедное приводят состояние и разорение и со всем тем ничему основательно не науча-

<sup>1</sup> С ним сходен и наказ Козельского уезда Окологородного стану деревни Слаговиц от засечных поместных сторожей (там же, с. 96).

ются, но время свое в лености, роскоши и распутном житии препровождают, и уже много, когда они возвращаются в свое отечество, обучившись словесным наукам, со испорченными нравами и поврежденным здоровьем, следственно, самим себе и своей фамилии наносят стыд и потом, яко непотребные и негодные сочлены отечества, шатаются и служат к омерзению, чему, сожалительно, многие имеют примеры. Напротив того, если-бы в здешней земле был университет, то бы родители часто могли навещать своих детей, малым иждивением исправлять их нужды и надобности и иметь неусыпное смотрение над их поведением и поступками, да и дети их не так бы легко могли вдаваться в распутное житие, чрез что государство могло бы получать благонаравных и способных подданных. Ныне же выходят ежегодно более 20-ти и 30-ти тысяч рублей для учащихся из государства, из которой суммы ни мало назад возвращено не будет, и следственно, если-бы здесь по прежнему заведен был университет, то бы все деньги оставались в государстве и больше бы купцов и ремесленников в здешнем городе домами заводились и находили бы свое пропитание, а чрез них и учащихся расход бы на все напитки и потребные, как на одежду, так и пищу, вещи умножился, следовательно, и казенные доходы: пошлина и акциз, знатное бы возымели приращение. И сверх того, ни одного так способного для университета места во всей Лифляндии нет, как Пернов, ибо сей город лежит в середине земли и у моря, почему учащиеся изо всех мест в оный приезжать могут, особливо с острова Эзеля, Догена и Мона, которым, если-бы такой университет был в Дерпте, ездить туда далеко и трудно; также бы и из чужих краев не посылали детей своих учиться в Дерпт, но, напротив того, гораздо охотнее в Пернов, понеже морем легко можно пересылать им потребное на их содержание. Иноземцы бы лучше посылали своих детей сюда для обучения, если-бы такой сделан был закон, чтоб никакого студента в здешнем государстве не принимать ни в какой чин и должность, кто здесь не учился три года и не окончил академического курса. В Пернове и по той причине скорее и легче завести можно университет, что в оном еще академическое строение находится в добром состоянии, но в Дерпте никакого нет, для чего там на постройку потребны великие издержки и долгое время. Что касается до потребной на содержание университета профессоров денежной казны, то и оную легко собирать можно, ибо как университет служит к знатной пользе и благосостоянию земли, то не несправедливо, чтоб оная земля к тому и доставляла иждивение, чего жители оной ни мало чувствовать не могут, когда, например, каждый владелец, как публичных, так и частных маестностей, ежегодно заплатит один рубль с каждого гака на содержание университета. Иоганн Фридрих Гауфф, депутат...».

Победу одержал Дерпт; но это случится позже.

### **Вопросы сословного образования на заседаниях Комиссии**

В целом можно сказать, что дворянство опередило другие сословия в стремлении распространять образование среди более широких слоев общества и проявило менее сословной замкнутости. Выдающиеся представители духовенства и вовсе выдвигали проекты всенародного просвещения. Теперь необходимо взглянуть, как образовательная проблематика была озвучена на заседаниях комиссии. Так как комиссия прежде всего обсуждала законы о статусе сословий, точно так же – по сословиям – сгруппируем высказанные мнения и мы. С одной стороны, дворянство отстаивает свои привилегии, в том числе и образовательный ценз.

Мнение депутата от Муромского дворянства Ивана Чаадаева (4, 154) таково: «Получаемое дворянами воспитание в учрежденных для них училищах и приобретаемые ими познания в науках, возводя добродетельных дворян на

высокие степени, составляют из них государственные правительства, как то: сенат, коллегии и другие правительственные места, доставляют способ иметь благоразумных министров, а во время войны искусных предводителей; одним словом лица, принадлежащие к сему сословию, суть наилучшие и полезнейшие в государстве. Напротив того достигающие таким легким способом, т. е., с офицерским чином, дворянского достоинства, не имея никаких способов получить такое же воспитание как дворяне, и чрез то лишаясь всякой надежды достичь тех высших степеней, с которыми также соединены и средства к безбедному существованию, находятся принужденными разными неправильными и не дозволенными способами приобретать иждивение для содержания себя в старости»<sup>1</sup>.

Князь Щербатов лоялен к служилому сословию Сибири, которое считало себя дворянами, не встречая понимания у своих собратьев в европейской части страны (4, 161): «Для этих дворян надлежит учредить в главных городах Сибири школы нужнейших наук, дабы в эту страну сколь возможно проникало просвещение. Тех из обучающихся в сих школах, которые покажут отличное прилежание и подадут надежду, что могут быть способны к высшему образованию, по их желанию и с позволения родителей их, присылать в академию наук и университет для окончания наук».

Дворяне хотят законодательно определить круг дисциплин и уровень владения ими, нужный для экзамена (32, с. 212–214, 337). Воронежский депутат от дворянства Степан Титов «представляет, чтоб о заведении оных (училищ), хотя по провинциям, предписать порядок, паче ж всего изыскать средство, откуда сумму денег назначить, чтоб без тягости казне и дворянам, а без того оные заведения не будут» (32, с. 299).

При обсуждении духовного образования депутат от Медицинской коллегии барон Георгий (Егор Федорович) Аш (8, с. 356) предлагает воспользоваться зарубежным опытом: «Юношество, как на пример в Швеции, которое в университетах определяется на богословие, старается при том приобрести себе некоторое познание и во врачебной науке. Оно по собственной своей склонности обучается физике, натуральной истории и разным частям медицины. Чрез сие обучение они делаются способными, при старании о спасении душ своих прихожан, пользоваться их и от телесных болезней. <...> В империи же столь обширной, какова есть Россия, такое учреждение могло бы, сверх упомянутой пользы, подать также повод ко многим открытиям, касающимся до натуральной истории, и именно, к отысканию таких произрастений, которые нам еще неизвестны. Может ли такое упражнение ученым священникам быть приятнее, а государству полезнее?»<sup>2</sup>.

Выдвигались и проекты купеческого образования. Так, депутат от дворянства Любимского уезда Никифор Толмачев (8, с. 36–37) заявил: «На основании 377 статьи Наказа должно учредить для мещан училище, в котором обучать русской грамоте и изъяснению государственных законов. Для сего в небольших городах определить учителей из отставных унтер-офицеров или из приказных, по способности, с жалованьем от магистрата. Таковым учителям и их детям дать

<sup>1</sup> Эту позицию оспаривает депутат Гадяцкого, Миргородского и Полтавского полков Николай Мотонис (4, с. 170): «В нашем пространном государстве можно сыскать множество людей всякого звания, которые преизрядно воспитывают своих детей; порочные бывают во всяком звании; учатся наукам и художествам и мещанские и других сословий дети; а отцы их служат ревностно государю и отечеству».

<sup>2</sup> Его поддерживает депутат от казаков Оренбургской линии Харитон Самсонов (с. 381): «Действительно, для чего и нашим священникам, обучающимся в семинариях, чрез чтение и собственное упражнение, не быть в состоянии того ж делать, что делают в Швеции».

права граждан; в больших же городах учредить высшие училища, в которых, сверх вышеписанного, обучать немецкому и английскому языкам и мореплаваннию». Депутат от Коммерц-коллегии Сергей Меженинов (с. 73) повторил старую, еще петровскую мысль: «Для обучения коммерции и бухгалтерии можно будет посылать купеческих детей, по желанию их отцов, в чужие края... для обучения навигации, полезно было бы учредить при адмиралтействе штурманскую школу, в которую принимать детей бедных купцов...». Степан Самойлов, депутат от города Енисейска (с. 161), высказался по поводу программы купеческого училища: «Что же касается до нужных купцу наук, то, кажется, они могут быть следующие: познание Закона Божия, российская грамота и чистое письмо, немецкий язык и другие, если найдутся учителя, арифметика, знание разных товаров и цен их, также мер и весов, география и история». Афанасий Ларионов, депутат от города Симбирска (14, с. 201–202), рассуждая о трудностях с приказчиками, говорит: «По моему мнению, все это происходит от невежества и от неученья. Поэтому я представляю почтенному собранию, как необходимо быть у купечества училищу. Это я считаю за нужнейшее. И какое великое дело, чтобы купеческие дети были ученые: ибо от пяти до пятнадцати лет они имеют праздное время...». Предметы: арифметика, навигация (Тихий океан), иностранные языки, бухгалтерия. Но его программа шире: «...Не только купеческих, но и всякого земледельца детей, где есть священники, надлежит обучать грамоте от пяти до семи лет, чтобы они знали Закон Божий... Но еще более надлежит учить новокрещенных Чувашей и народ Мордовский и Черемисский; ибо живущие между ними Мухамедданы имеют обыкновение не только в больших деревнях, но и в малых, где не более как двадцать дворов, содержать училище для обучения малых детей; тем нужнее нам, православным, надлежит заботиться о таком важном деле. При нынешнем проекте Нового Уложения это надлежит внести в закон: которые не захотят учиться, а будут пребывать в лености и праздности, с таковых взыскивать пеню».

Академия наук пыталась отстаивать преимущество ученого сословия перед мещанством (36, с. 192): «...Труднее снискать богатство науками, нежели ремеслом или художеством или купечеством. Сего ради и больше богатых ремесленников, художников и купцов, нежели ученых, и, обыкновенно, бедность – ученых участь. И для того, ежели науки не лучшие иметь будут выгоды, как художества и купечество, то и нет надежды, чтобы оные в России возрасли когда и вкоренились; потому что весьма натурально, чтобы стремиться к той мете, к которой с такою же выгодой поспоряе и легче достигнуть можно». Впрочем, частная комиссия о среднем роде людей не согласилась с этими позициями (с. 194).

Депутаты от Бахмутского гусарского полка Авраам Рашкович (14, с. 47), от Лифляндского земства фон Блуден (с. 48) и от города Хлынова Петр Карякин (с. 104–105), желая повысить юридическую подготовку чиновничества, вносят соответствующие предложения. Депутат от Уфимского козацкого войска Прокофий Бурцов (с. 116) выступает за просвещение казачьей окраины и предлагает следующее: «Хотя Оренбургской губернии в козацких войсках российской грамоте, а другие и арифметике отчасти и обучаются, но по неимению в этой губернии искусных учителей, правописания и хорошего слога не достигают. В следствие сего, сообразуясь с сим высочайшим материнским попечением<sup>1</sup> о восстановлении России на высшую степень, всенижайше представляю, не апробуется ли из высокоматеринского Е. И. В. милосердия назначить и из козацких войск посылать для того обученья из Оренбургской губернии, а именно, из Оренбурга, из Уфы, из Исетска, по три или по два человека, по способности, в Казанскую гимназию в число шестидесяти человек, а от других войск по та-

<sup>1</sup> ПСЗ 11.989.

кому же числу, где от которого посылать способно, а повелеть обучать их на казенный кошт. Когда они обучены будут, то их переменять другими. Чрез это без сомнения окажется добронравие, благопристойность и размножение ученых во всех частях столь пространного государства. Неумеющих же российской грамоте во всех козацких войсках, как то и в полках водится, не только в войсковые старшины, но и в ротные начальники не производить, а разве жаловать только в капралы».

Активный депутат от пахотных солдат Нижегородской провинции Иван Жеребцов (мы с ним уже сталкивались) высказывает такое пожелание (32, с. 398): «Также по силе данного нам большого Наказа нашей Попечительницы 158 отд. и для того предписать надлежит, чтобы во всех школах учили детей грамоте попеременно из церковных и из тех книг, кои законодательство содержат. И того ради высокопочтенному собранию представляю на ваше полезнейшее рассуждение, чтобы из служилых людей учинить детские школьные учения, от чего может воспоследовать общественная великая польза по такой причине, понеже те ученые люди для государственных надобностей, так и вотчинному правлению могут быть завсегда способны. А для содержания того учения подлежит учредить в знатных селениях, чтобы при тех селах для пропитания их новых студентов и торги могли быть; а ежели те служилые люди имеют селения свои малыми людьми, то для правления того учения приложить к ним государственных крестьян, дабы каждое правление было тысячи по три или по четыре мужеска пола душ; а жалованья тем как учителям их и ученикам также и на книги – как со благоволит наша Попечительница и благопочтенное собрание гг. депутатов».

Эта реплика вызвала оживленную дискуссию. Депутат города Пензы купец Степан Любавцев (с. 411) возражал: «Требуется он, господин Жеребцов, чтоб учредить для обучения их малолетних детей школы. Оное весьма излишне: земледельцу то и школа, чтоб обучать детей с малолетства хлебопашеству и прочим домовым работам. А ежели они с малолетства будут употребляться в науки, то уже к земледелию и прочей работе склонить будет никак невозможно. Да и в самом деле это есть по городу Пензе: содержащих ланд-милицию пахотных солдат, положенных в подушной оклад, – около трех тысяч душ, из которых и без школ многие обучились грамоте и писать и происками произошли, хотя и в противность указу, в секретари, в регистраторы и в прочие приказные служители многие, а прочих множественное число, прежде подтвердительных о неимании взятков указов, извыкли, ездя по уездам, содержать себя тем и с домом. Ныне же, как то указами запрещено, так от таковых, находящихся в праздности, всему обществу никакой пользы, кроме вреда, быть неуповательно, ибо не имеют они к земледелию и к работе прилежности, вдаются во многие непотребности: в обман, в мотовство, леность и воровство, а данные им земли многие остаются без хлебопашества и лежат впусе». Его земляк, депутат от пахотных солдат Пензенской провинции Егор Селиванов, поддерживает своего собрата (с. 431): «От чего может последовать слава, как не от просвещения? а просвещение чрез что может вкорениться, как не чрез учреждение училищ...».

Ивана Жеребцова решительно поддержал депутат серпейского дворянства гр. А.С. Строганов (с. 457): «Мнение господина депутата Жеребцова о заведении школ для пахотных солдат есть столь справедливо, что не могу преминуть – воздать оному господину депутату достойной похвалы. Я при том за долг себе почитаю оное представление распространить и до самых хлебопашцев. Действительно, почтенное собрание, заведение училищ и для сей столь полезной части общества за необходимое почитаю; ибо едино просвещение человека от скота различает; едино просвещение показывает нам долг к Богу, к Государю и к обществу. На что нам далеко искать примеров, до каких бедств доводит нас невежество? Без ужаса представить себе не могу плачевное позорище умерщ-





вленных своими собственными крестьянами помещиков. Еще год не минул, как подобный злоумысел почти в глазах наших предприемлем и совершен был: сии злодеи, подобные диким зверям, не токмо господина своего размучив, умертвили, но жену его и нерожденного еще младенца из недр ее вырвали. Я уверен, почтенное собрание, что если бы просвещеннее сей род людей был, то, конечно бы, подобных свирепств мы свидетелями не были. Итак вы сами видите, сколь училища для крестьян полезны. И когда оные из тьмы невежества выйдут, тогда и достойными себя сделают пользоваться собственностью и вольностью». Это очень смелый тезис; по-видимому, самое смелое, что было сказано в заседаниях, – мысль, почти на столетие обогнавшая свое время.

Этим аккордом нам хотелось бы завершить очерк. Один из богатейших людей России, знаток искусства и меценат, личный друг Императрицы, безусловно, был весьма авторитетной фигурой в этом блистательном собрании. Но дискуссия на этом не закончилась. Следующее выступление – одно из самых любопытных, поскольку до него мы имели дело лишь с теоретическими рассуждениями. Депутат Клинский от дворянства Петр Орлов (с. 521–522) поддержал мнение Строганова: «Просвещенное познание всего нужнее для одушевленной твари, которою есть человек; но сие познание очень редко бывает соединено с природою, следовательно, получается оно от наставления, что преподается не инде, как в училищах.

Но опасаясь, изящнейшие господа, утрудить вас продолжением. Позвольте только мне представить в слабый пример худой мой собственный опыт. Я в моем селении, которое состоит в том уезде, коего от дворянства я выбран депутатом, имею самую нижнюю школу, где обучаются российской грамоте и письму крепостные мои селянские дети в такие лета, в кои не могут обрабатывать землю и след. хлебопашеству еще не нужны. Два или три отрока из обучившихся показывают уже мне, сколько они отменны от состаревшихся в невежестве: они уже говорят лучше и читают письма; они сами собою из чтения книг находят, чем они обязаны Богу, Государю, отечеству и, наконец, по законам, помещику своему; они читают дома семейству своему священные книги; они уже не только помышляют о предприятиях к своему содержанию, которым не были бы тягостию своему семейству; а при всем том, сколько возраст (пятнадцать или шестнадцать лет) обучившихся позволяет, в хлебопашестве упражняются, так как и неграмотные. Одним словом, они уже заслуживают, что можно им приказать, поверить и надеяться».

Впрочем, и эта точка зрения встретила возражение. Обоянского дворянства депутат Михайла Глазов, ссылаясь на Большой Наказ, отвечал (с. 533–534): «Представляет он, господин депутат, что от шестнадцати лет и ниже обучать грамоте, что и признавать изволит за полезное. А по мнению моему, оного учинить, за немалым отягощением народу, невозможно... Взять оных всех в училище – должно сложить с них государственные поборы: убытку воспоследовать может миллион или более, земля та, которую они работали, будет пуста, дом того крестьянина со всем должен разориться, женский пол того дому кто кормить и питать станет? А должно при всякой церкви быть училищу. Учить: первое, людей церковного чину, что самый нужный член православной нашей веры, в сходственность обучать купецких детей, також и отставных унтер-офицерских и солдатских детей; владельцам же, ежели пожелают, отдавать обучать празднотающихся, коих содержать должны на своем коште, без принуждения...».

И этот скептический аккорд будет завершающим.

\* \* \*

Итак, на заседаниях и в наказах уже звучат мысли о всеобщем обучении, даже и крепостных; они высказываются выдающимися представителями выс-

шей аристократии и духовенства. У общества есть потребность в формировании сословных систем образования – дворянского (с определением круга наук и уровня их изучения), нужного для государственной службы, и купеческого. Звучат многочисленные пожелания о повышении образовательного ценза духовенства. Все эти мысли проникнуты просветительской, сократовской иллюзией о том, что просвещение само по себе приведет к исправлению нравов. Наряду с «эгоистическими» сословными установками наблюдается готовность приносить материальные жертвы для создания училищ и содержания в них тех, кто сам оплатить его не способен; в некоторых случаях эти модели сословного образования выглядят как обязательные. Складывается ядро среднего образования, общее для благородного сословия и «буржуазии» (мещан), а именно математика и грамота; новые языки признаются полезными для тех и других, но фигурируют в пожеланиях далеко не всегда. Наряду с общеобразовательными предметами, которые также могли бы стать общим элементом среднего образования (история, география), есть и специальные (коммерция, навигация, бухгалтерия, инженерное искусство, архитектура и артиллерия).

Учитывая, что о воспитании говорит меньшинство, мы не можем сделать вывода о готовности общества к широким образовательным новациям. Отметим еще младенческий, наивный утилитаризм: предметы избираются нужные для жизни и для службы, и если им и придается развивающее значение, то только воспитательное. Тема интеллектуальной самостоятельности и состоятельности громадных масс русского населения не озвучена ни правительством, ни обществом, хотя наличные школы *работают* (и далеко не бесплодно) и продвигаются как раз в этом направлении. Впрочем, экстенсивный рост населения, к которому общество постепенно готовилось, дал бы – за счет более широкого отбора – и качественный выигрыш. Потому остается только пожалеть, что лавры отвлекли внимание от оливок, и турецкая война помешала создать новое законодательство, в котором было бы почетное место и для школы<sup>1</sup>.

Теперь остановимся на деятельности частной Комиссии об училищах и призрения требующих<sup>2</sup>. В нее были избраны депутаты Владимир Золотницкий, Александр Угрюмов и Яков Урсинус. Маршал Большого собрания добавил к ним Алексея Ивашкина и бар. Георга Аша. Впоследствии состав комиссии неоднократно менялся; самыми деятельными ее членами были Золотницкий, Тимофей фон Клингштедт, Аш и Урсинус. Комиссия, на законодательном уровне разрабатывающая соответствующую область, получила инструкцию, в которой было сказано, что домашнее воспитание передано Комиссии «о разных установлениях, касающихся до лиц». «Общие училища составляют некоторое общественное воспитание и впечатлевают в юные сердца некоторое единообразие мыслей, или полагают первое основание народного умствования, почему учреждению о училищах не столько о хитростях наук, как паче о сем памятовать надлежит, чтоб дети обучались познанию должностей человека, в обществе жить имеющего»

<sup>1</sup> Ср. Артамонова, 56: «Думается, что и работа Уложенной комиссии в целом, и деятельность частной „Комиссии об училищах и призрения требующих“, и проекты, которые попадали иными путями к Екатерине от других лиц и учреждений, все же сыграли свою роль, пусть даже не очевидную. С одной стороны, Императрица убедилась, что стремление к образованию было вовсе не редкостью в русском обществе. С другой стороны, различные общественные группы, не исключая представителей провинции и даже крестьянства, вынуждали верховную власть не оставлять без рассмотрения проблему создания массовой школы, выходящей за границы столичных городов, не сводить эту проблему к привычному развитию сословных и профессиональных школ, не подменять ее реальное решение благими утопиями».

<sup>2</sup> *Рождественский*. Очерки..., 296 сл. Документы – он же. Материалы, 144 сл. Ссылок на страницы мы далее давать не будем.

(Материалы, 144). По поводу семинарий рекомендовалось войти в сношения с Комиссией о церковных имениях. Комиссия представила «Краткий план» – переработку данной ей инструкции. Разделы этого плана, посвященные нижним и средним училищам, мы приведем полностью:

*Часть 1-я. О нижних училищах.*

1) В сей части низшие училища состоять будут из двух родов: в первом поставлены будут деревенские школы, а во втором городские приходские и прочие таковые училища, соображая оные с состоянием и положением тех мест, где они назначены будут. Здесь также не оставлено будет обстоятельно упомянуть о школах для детей разных иноверческих народов, находящихся в России, причем предписан будет способ наставления оных. 2) На каком быть оным всем училищам основании? От кого зависеть? Также чему во оных обучать, а при том о содержании и должности учащихся.

*Часть 2-я. О средних училищах*

1) О разделении оных на два рода, из которых в первом поставлены будут училища при госпиталях, гимназии и семинарии, а во втором кадетские корпуса и академии художеств. 2) О состоянии и содержании средних училищ, также и о средствах оного содержания. 3) О составляющих сии места людях, как то о учащихся, учащихся и о прочих для разных званий чинах. 4) От кого и каким образом оные места будут зависеть? Также о способе или о внутреннем распоряжении в рассуждении учения».

Составители плана упоминали «Главное правление училищ» – вводя, таким образом, орган с функциями будущего Министерства просвещения. Отчасти это будет осуществлено в 80-х гг. Кроме плана, в дирекционную комиссию были направлены записки Золотницкого, который считал документ Комиссии слишком общим и ничего не говорящим и развивал некоторые выказанные в нем идеи (гимназии и семинарии Золотницкий ставил ниже кадетских корпусов и академий художеств). Начальное воспитание Золотницкий считал всеобщим и предлагал вводить «без всякого насильного принуждения», а дальнейшее – «личное, то есть свойственное и нужное разным состояниям детей различно». Клингштедт предлагал исключить из документа общие рассуждения о том, что такое училища, убрать преждевременное упоминание об иноверческих училищах, не считал вопрос о кадетских корпусах и академиях художеств входящим в сферу компетенции комиссии. В защиту плана высказались остзейцы – Аш и Урсинус. Дирекционная комиссия, получив эти материалы, сообщила училищной комиссии свои заключения; но новый план, соединяющий эти разработки, составлен не был. С января 1769 г. комиссия приступила к проектированию отдельных статей образовательного законодательства. Интересно, что окончательное заключение о высшем органе учебной администрации было отрицательным: «...чтобы особого правления не делать, а подчинить оные Правительствующему Сенату». Вполне разработан был проект низшего образования, план среднего образования не получил окончательной отделки, а университетский вопрос был едва затронут. С.В. Рождественский, в противоположность Д.А. Толстому, полагает, что «Екатерина не обошла вниманием и деятельности училищной комиссии».